Напряжение сходится

Автор:
Владимир Ильин

Напряжение сходится

Владимир Алексеевич Ильин

Напряжение #4

Где бы ни началась дорога путника – в княжестве Шуйских или в высоких горах Поднебесной, за высокой Кремлевской стеной или в шумных городах-миллионниках за морем, – не предугадать ему будущих встреч, потерь и приобретений. Сходятся пути, и многим по ним идущим суждено стать врагами, а кому-то полюбить… после яркой ненависти. Но завершение пути все равно будет зависеть от цели, поставленной на первом шаге. Кто-то желал богатства, кто-то алчет могущества. Максим Самойлов, поступая на первый курс МГУ, просто хотел стать императором.

Владимир Ильин

Напряжение сходится

Автор использует элементы вселенной «Меняя маски» Н. А. Метельского с согласия последнего

Пролог

В основе каждого строения – инженерный расчет. Придет шквальный ветер с осенними штормами, ударит ледяная вьюга в студеном феврале, разойдется грозой небо поздней весной или солнце устроит пекло без единого ветерка в разгар лета – любая постройка обязана выдержать. Особенно если речь про сооружение исконно военное, коему предписано стерпеть не только погодные ненастья, но и человеческую волю, вооруженную и злонамеренную.

Стены Московского Кремля помнили шесть сотен лет и вчетверо больше сезонов, были биты пушечными ядрами и горели в огне, видели под сотню штурмов и раскаты стихий в каждом из них, ведомых противостоящими одаренными. Во времена оные в небе над шпилями башен сталкивались грозовая синева и багровое пламя, блекло-желтый песок и аквамарин кристальной чистоты. Целый калейдоскоп красок и Сил раз за разом сходились в смертельной битве, но в местах их столкновения всегда был один и тот же цвет – темно-красный цвет крови, одинаковой у нападавших и защищавшихся.

Многое пережили стены, и не всякое событие оставляло их целыми. Латались прорехи, перестраивались обрушенные участки и закладывались новые фортификационные сооружения: спешно – во время войны и куда более вдумчиво – во времена спокойствия и мира. Бывало, в сытые и спокойные годы некрасивые, но надежные сооружения сносились целиком, чтобы выстроить на их месте нечто скорее прекрасное, чем функциональное.

А бывало и так, что целую башню кремлевской стены отдавали царским указом в руки отличившегося боярства – и те тоже не оставались равнодушными к новому приобретению, вкладывая богатство рода в лучший символ личного благополучия, который только и может быть в стране, – в собственную башню, высокую да роскошную, на зависть всем остальным. Слева, правда, у этой башни будет ветхая стена в пять метров толщиной, да и справа тоже вид не самый лучший – но сама-то настолько хороша, что на защиту ее от врага будет призвана вся ближняя и дальняя родня. Даром что этой родне до столичных битв за власть никакого дела не было, но вот за личное имущество уже можно и порадеть. Таким путем восемь из двадцати башен обрели новых хозяев, перейдя из щедрых рук самодержца в собственность весьма влиятельных семейств.
А власть на престоле Московском утвердилась настолько, что более некому в стране стало шептаться по углам, что кровь в царе варяжская, не наша – и не по праву ей быть во главе русских земель. Проблемы-то, ради которых их когда-то призвали, давно уж решены…

Странно, но те, кто выжил в тех противостояниях, сбежав за границу, – не очень-то сотрясали воздух гневными речами в адрес правителей, а скорее исходили искренней ненавистью к победителям из числа своих, что были по иную сторону. Так получалось, что всякий раз воевало боярство против равных себе по титулу и положению, а сами Рюриковичи ни в одном междоусобном сражении свою силу так и не явили, пусть и присутствовали самолично во время каждой битвы. Оттого кровная месть тоже была к своим, но никак не к потомкам варягов, некогда приглашенных на княжение, да оставшихся на века.

Времена активных битв уже два столетия как позади. Вокруг высится прекрасный город, украшенный высокими шпилями княжеских башен тех семейств, кому в свое время не досталось награды за ратный подвиг в виде части кремлевской стены, но позже, в обмен на услуги трону, интриги, подвиги или горы золота был получен во владение участок столичной земли под строительство. И, разумеется, были эти высотки куда роскошнее и выше кремлевских. «Меняю старые лампы на новые!» – кричал как-то персонаж одной восточной сказки, готовый с радостью обменять яркий и красивый новодел на пыльный и ветхий. В этом мире «джинны» сами владели своими старыми башнями и меняться не желали – равно как и исполнять чьи-либо желания, кроме своих собственных.

Мир, правда, в джиннов не верил и предпочитал ходить в Кремль на экскурсии… В ту его часть, которая для посещения была открыта.

– Господа! Прошу обратить внимание направо. Перед вами Архангельский собор – шедевр зодчества начала шестнадцатого века, построенный по проекту архитектора Алевиза Фрязина из Милана.

Группа послушно повернулась в сторону белоснежной громады с золотыми и серебряными куполами. Экскурсантов было ровно два десятка – совершенно разных: приезжих и местных, в парадных нарядах и легкомысленных шортах с футболкой по нынешнему жаркому дню. Но внимали они своему гиду – основательной на вид брюнетке четвертого десятка лет в сером костюме и белой блузке, обладающей хорошо поставленным голосом и властными жестами, – с одинаковым интересом в глазах. Разумеется, кроме одутловатого и массивного господина в темных очках, прочитать эмоции за которыми не представлялось никакой возможности.

Мужчина, обладающий недюжинными габаритами – под два метра ростом, в косую сажень плечами и настолько выдающимся животом, что в футболку с американской символикой, его прикрывавшей, можно было запросто завернуть трех человек средней комплекции, а синие шорты казались полноразмерными брюками, – предпочитал стоять позади всех, с левого края. Крайне неудобный гость для женщины-гида – слишком высокий, да и стоит особняком, оттого обращалась она к группе, глядя в первые ряды. Соседи же по экскурсии тоже неохотно бросали на мужчину взгляд – смотреть на огромный живот не было ни малейшего удовольствия, а для разговоров с явным иностранцем недоставало знаний языка.

В общем, момент, когда крайне габаритный, крайне заметный и массивный человек развернулся на месте и ушел в сторону Тайницкой башни, не заметил никто из группы, продолжавшей разглядывать белокаменный собор.

Собственно, куда можно подеваться с закрытой территории внутри кремлевских стен? Внутрь государевых построек не допустит стража. Внутрь клановых башен, горделиво устремившихся ввысь на уровень нынешних девятых-десятых этажей, не пропустят слуги могущественных владельцев.

Но так получилось, что окованная черным металлом створка дверей Тайницкой башни, оказавшаяся на пути мужчины, отворилась навстречу сама – ровно настолько, чтобы пропустить габаритного господина под сень владений великого рода черниговских князей и тут же закрыться вновь.

– Питер Юзефович, прошу вас. – Внутри роскошного холла, находившегося сразу за дверями, габаритному господину поклонился незаметный человечек с обликом клерка и указал на правый рукав коридора, вскоре закруглявшийся, следуя силуэту строения. – Вторая дверь налево.

Мужчина не ответил на поклон и молча проследовал указанным маршрутом, двигаясь по белому мрамору пола, вдоль закрытых до середины алым бархатом стен, через прохладу и тишину, созданную массивными кирпичными стенами башни-крепости. Массивный господин шел, игнорируя строгие лики в мундирах с портретов, золото электрических подсвечников, освещающих путь и создающих причудливые тени на лепнине низких потолков. В его шагах не было нервной поспешности от осознания могущества ожидающей его персоны, а во взгляде – и малейшего любопытства к окружающей роскоши, будто бы все вокруг было видено им не единожды, хотя служка у входа мог бы поклясться, что видит

гостя в первый раз.

Понадобилось около сотни шагов, чтобы добраться до нужной, второй по счету, широкой двери темного дерева без каких-либо табличек и указателей.

Впрочем, какие еще указатели внутри родовой собственности – тут чужих не было и быть не может.

Темные очки были сняты и зацеплены за ворот футболки. Крупная рука протянулась к массиву двери и удивительно аккуратно постучалась костяшками пальцев, после чего мягко приотворила створку – ровно настолько, чтобы услышать мнение хозяина комнаты относительно его визита.

– Проходи-проходи! – тепло отозвались изнутри, как желанному гостю.

Рука Питера слегка дрогнула, словно отозвавшись на доброжелательность приглашения. Но вошел он в помещение столь же равнодушным и невозмутимым.

– Доброго дня. – Голос мужчины оказался низким, с ощутимым западным акцентом, проваливающимся на гласных.

Крупный кабинет, явно бывший залом для совещаний, утопал в полумраке. Над длинным столом, разрезавшим помещение пополам, не горели плафоны, так что свет шел только от зеленоватой подсветки огромного – во всю левую стену – аквариума с диковинными и яркими крупными рыбинами. Окон, разумеется, не было – первый этаж башни не предполагал их наличия. Слегка бликовал отраженным светом экран проектора на противоположной аквариуму стене, а вот противостоящая гостю грань кабинета и та, что рядом с ним по правую его руку, были тщательно укрыты плотными черными драпировками. Под ногами скрипнули доски наборного паркета – Питер автоматически сделал шаг вперед, тут же оказавшись на мягком ворсе ковра.

Полумрак в дальнем конце стола шевельнулся и выступил навстречу гостю, материализовавшись в невысокого мужчину пятого десятка лет, одетого в простой, чуть мешковатый и не по фигуре серый костюм.

Ожидавший Питера человек чуть сощурился, поправляя массивные и старомодные роговые очки, и будто только сейчас вгляделся в вошедшего мужчину.

– Похорошел, – выдал хозяин кабинета с довольством, подошел совсем близко и положил кончики пальцев на локти Питера, рассматривая его и вовсе бесцеремонно.

Массивный гость, несмотря на явное превосходство в физической силе, отчего-то отреагировал на прикосновение весьма нервно и скованно, дернувшись и ощутимо напрягшись.

– Ну-ну, – успокаивающе одернул его господин в костюме, – я же не ругая, честное слово.

Но локти отпустил и отвернулся, неспешно возвращаясь к столу – к ближайшему креслу. Питер же слегка выдохнул.

Хозяин кабинета остановился возле столешницы, тронул спинку вращающегося кресла рядом, заставив то сделать полуоборот, но так же остался стоять на ногах. Не предложил он сесть и своему гостю.

– Я тобой доволен, – скупо констатировал он.

– Спасибо, – сглотнув, ответил Питер, опустив взгляд вниз и не решаясь его поднять.

Чтобы радость во взгляде осталась только его тайной.

– Возглавишь новое направление перевозок товара. Готовься. Убери… – господин в очках неопределенно повел рукой, – эти телеса. Приводи себя в порядок. Будет новая личность; фотографию и описание тебе дадут на выходе.

– Спасибо.

– Не подведи меня, – было много тихой угрозы в этих словах, но последующее, самое важное слово искупило их сторицей, – сын.

Питер только согласно тряхнул головой – сильно и выразительно. Потому как все слова будто застряли в горле, сжатом, чтобы не допустить постыдной дрожи подбородка от искреннего восторга и счастья.

– Какого рода перевозки? – уже ступив к выходу, спохватился Питер, которому оставалось жить со старым именем считаные дни.

Потому что радость радостью, однако к любому новому делу требовалась тщательная подготовка. Возможно, детали его тоже ждали на выходе, но это будет на целую сотню шагов позже.

– Железнодорожные. – Небрежным жестом господин в костюме показал, что аудиенция окончена.

И почти моментально остался в кабинете один.

Князь Черниговский неспешно подошел к аквариуму и с огоньком иронии во взгляде посмотрел на его обитателей.

«Наверное, они считают себя счастливыми тут, в идеальных условиях, огражденные от хищников, сытые и здоровые. – Мужчина постучал пальцем по стеклу, наблюдая, как подплывают к нему охочие до корма рыбы. – Быть может, полагают себя любимыми и баловнями судьбы, видят прекрасное будущее и строят планы. Хотя вся их судьба – стать, со всем их накопленным жирком, обедом для человека, изредка их подкармливающего. Когда придет время».

Князь невольно посмотрел на часы – солидные, с круглой рамкой и кожаным ремешком. Точно такие же, как десятки иных, подаренных им анонимно многим и многим людям. Немного странные, к слову, часы: несведущие сочли бы их испорченными, так как вместо индикатора дня недели они отчего-то показывали цифру, что медленно – раз в год – сменялась на меньшую, отсчитывая непонятный и неведомый срок.

Часы, на которых у одного помешавшего ему юноше осталась всего пара месяцев – в той самой шкале, где на его, князя, часах был знак вечности.

Князь Черниговский выбросил из головы мысли о третьестепенном человеке, вся ценность которого была в сети железнодорожных компаний, созданных им и обереженных Черниговскими в ключевые моменты становления. Воистину не самое лучшее приложение огромного количества денег, выигранных на турнире, рисковое и опасное. Денег, которые черниговские князья считали своими, когда принимали Зубовых к себе в клан, и отказываться от которых не желали. Оставалось просто дождаться, пока юноша достигнет восемнадцати лет и правоспособности все потерять.

Власть, которую давал князю пост руководителя МВД империи, не оставлял мальчишке ни единого шанса. Были, разумеется, раздражающие препятствия на этом пути, вроде довольно известной семьи, приемным сыном которой он приходился, покровительства князей Шуйских, возможного родства с влиятельными князьями Юсуповыми и, по оценке аналитиков, участия в его жизни даже пророка, приходящегося юноше родной сестрой.

Но в аквариуме князя и не было никогда простых рыб, только такие – яркие, диковинные и очень богатые.

Что до противодействия и мистики, то древний род Черниговских знал, как их обойти. Достаточно, чтобы мальчишка сам захотел все отдать. Никто не станет уничтожать его физически, не станет давить и угнетать – и даже пророк, если слухи о нем окажутся правдой, не сможет заметить самого главного. Как человек ломается изнутри. Как угасает в нем надежда. Как ему не хочется жить, и любая плата становится приемлемой. Плата, которую он готов отдать за то, чтобы жили и не страдали друзья, у которых нет покровительства князей, нет пророков в родичах…

Князь раздраженно встряхнул головой, отметив, что, вопреки собственному желанию, продолжает думать о том, кого сам же назвал третьестепенным.

Мужчина переместился в самый темный угол комнаты и резким движением шагнул в темноту – чтобы тут же вышагнуть из занавешенной шторками темноты угла личного кабинета на вершине клановой башни. Его мысли вновь устремились к бесконечной шахматной партии, создаваемой собственными руками на просторах самой большой в мире страны. Партии, в которой фигуры не знали, что ими играют, и даже не догадывались о собственном цвете, равно как и о цвете противников. Удивительной игре, в которой по всем канонам пешка могла съесть ферзя. Только в классической партии такое событие

создавалось путем сложной комбинации, а вот Черниговские действовали куда проще – ослабляя противостоящую фигуру до той степени, что ее съедал кто попроще и гораздо слабее. Слабости – это именно то, о чем клан, призванный с ними бороться в масштабах всей империи, знал лучше всех.

И если бы только их клан занимался слабостями, обеспечивая государеву безопасность от самих себя, то все было бы куда как проще… Но существовали конкурирующие структуры, от которых приходилось таиться. Было «Око Государево», подчиненное непосредственно императору, были княжеские разведки и постыдная случайность, как некогда с Зубовыми, которую кое-как удалось замять, не вызвав подозрения на себя и сохранив маршруты доставки… Тем не менее карта страны медленно окрашивалась в их цвета.

Черниговские не стремились узурпировать трон. Какая пошлость, в самом деле – потратить столько сил, чтобы воссесть на неудобное кресло, надеть тяжелую корону и бояться каждую ночь, что кто-то из наследников Рюриковичей остался жив и решится мстить. Мысли князя были чище и изящнее – получить в государстве такое число подконтрольных аристократов, против слитного голоса которых даже императору не получится возразить. Власть над самим императором будет гораздо слаще пышных регалий и звучных титулов.

Князь подошел к узкому окошку, открывавшему вид во внутренний двор Кремля. Мельком отметил, что его недавний гость уже вернулся к своей экскурсионной группе, и перевел взгляд выше, оглядывая постройки.

Поистине могучи и крепки стены древней твердыни, несокрушимой и стабильной, равно как и весь механизм власти в империи.

И не было в мире напряжения, которое могло бы их сокрушить.

Глава 1

Утро первого сентября выдалось обжигающе жарким, безоблачным и безветренным, словно и не было до того череды хмурых дней и моросящего мелкого дождя, стучавшегося в московские окна, напоминая о наступлении

осени.

Ошалевшая от таких перемен природа реагировала сухой и растрескавшейся землей и где-то даже проклюнувшимися почками на серых деревьях, уже готовых было заснуть до весны. От нагретого асфальта поднимался пар вчерашних луж, наполняя виды на горизонт дрожащим маревом, а перелетные птицы, собиравшиеся было в стаи над черными кронами деревьев, тут же рассыпа?лись на небольшие группки и возвращались обратно, будто уверившись в возвращении лета.

Люди же на жаркий денек реагировали по-разному: кто, чертыхаясь, пробегал поскорее от прохлады метрополитена и тени остановок до кондиционированных офисов, а кто и с улыбкой смотрел на мир, радуясь еще одной возможности показать летние наряды и красивый загар, покуда длинные осенние плащи и куртки не обратят всех вокруг в серую, безликую толпу. Жарились в духоте пробки водители, выставив руку из окна в надежде уловить порыв ветерка, но смеялись, пробегая рядом по тротуару, дети, для которых ветер был в движении воздуха, не успевавшего расступиться у них на пути.

И, разумеется, истинно счастливыми были продавцы цветов, для которых солнечное первое сентября грозило обернуться нешуточной прибылью – спешили к парадным входам школ и университетов ученики и ученицы, студенты и студентки, забирая с собой яркие красные, белые, синие, розовые цвета праздника.

Сезонный бизнес чутко реагировал на погоду, интересуясь прогнозами синоптиков куда чаще остальных. Правда, у иных сезон кончался ровно в августе, вне зависимости от стоявших на улице температур – лицензии на уличную торговлю мелким товаром выдавались аж в феврале и стоили настолько недешево, что большинство не рисковало оплачивать дополнительный осенний месяц, который запросто мог выйти холодным и дождливым. Оттого жара была, а торговцев мороженым на университетской площади при МГУ – ни единого.

Благо я подсуетился и прихватил передвижной морозильный ларь, расположив для услады очей и прохлады ног перед собой. Ветви яблони над головой даровали тень, а железная скамейка оказалась довольно удобной для медитативного ожидания первой учебной лекции.

– Почем мороженое? – остановился перед морозильником юноша лет двадцати, заинтересованно посмотрев на закрытую, без единого ценника, непрозрачную крышку холодильника. – И какое есть?

Да, не все идеи выходят достаточно удачными.

– Не продается. Никакое. – Я хмуро посмотрел на явного студента, перехватив его взгляд, покуда ему не расхотелось есть и вообще тут находиться.

Юноша неловко отступил вбок, прошел так еще два метра, резко отвернулся и быстро зашагал в обратную сторону.

– А есть пломбир? – мигом подгреб взрослый мужчина с юной дочкой, будто выжидавшие до того очередь.

– Ничего ни для кого нет, – сурово произнес я.

– А чего тогда сидишь? – буркнул он недовольно.

– Медведя жду.

– Сумасшедшие вокруг, – чертыхнулся он неслышно, уводя погрустневшую дочку дальше по парку. – Вот поэтому, милая, всегда надо надевать панамку на голову. Напечет!..

Я с возмущением оглядел себя – рубашка дорогущая в почти незаметную полоску, туфли белые, модные, им в тон носки и брюки. Часы, опять же серебряные запонки с бриллиантами чистой воды. Уже и холодильник с собой нельзя принести спокойно!

Тут же отметил целеустремленное движение молодой парочки в мою сторону и кошелек в руках юноши.

В общем, морозильник пришлось сдвинуть вбок от скамейки, а самому пересесть на другой край.

Я поерзал на месте, переложив с колен на скамейку папку с документами о поступлении на первый курс. Разнообразные ксерокопии о составе семьи, фотографии без уголка и с уголком для различных документов лежали там же, вместе с тетрадкой и ручкой. Только вот первый учебный день изрядно отличался от тех, к которым я привык. Никакой парадной линейки перед зданием, с разбиением на квадраты «своих» и табличкой названия курса или класса. Нет взволнованной толпы, неуверенными пингвинами перетаптывающейся возле своего куратора, но есть нескончаемый поток людей, шедший внутрь главного корпуса с самого утра, словно он не имеет предела.

Где-то там, внутри, кто-то должен произносить приветственные речи, слегка стращать тяготами и вдохновлять историями успеха выпускников. Танцы на сцене, цветастые грамоты, атмосфера волнения и триумфа, молчаливые обещания самому себе учиться и деятельное обдумывание, где и как отметить сегодня будущие успехи в учебе.

И все это должно пройти мимо меня, оставив чужим на будущем курсе. Пусть знакомятся и заводят дружбу, намечают симпатии и дышат первой влюбленностью. Первая настоящая лекция начнется на пару часов позже, когда все перезнакомятся. Я же приду почти со звонком, заняв последнюю парту, стараясь быть вне коллектива. Слишком многим мое общество ломает судьбу, перекраивая желания и мечты. Не то чтобы это было большинству во вред, но как сказал один очень важный мне человек, все хотят себе собственной судьбы, с собственными ошибками и победами.

Все это вызывало легкую досаду, но при этом и ощущение правильности моих действий. Я посмотрел на громаду главного корпуса университета, словно на цветастую коробку, внутри которой могло быть все что угодно – от плохого до хорошего, от нищеты духа до богатства пыльных библиотек. Но этот подарок судьбы – для всех сразу, а значит, надо быть с ним осторожнее. Посмотрим на него с задних парт, для начала.

– Вот ты где! – Довольный девичий голос сбоку заставил слегка вздрогнуть и перевести в ту сторону взгляд.

Засмотревшись на шпиль высотки, прозевал явление одной очаровательной особы, нетерпеливо перетаптывающейся сейчас возле моего холодильника.

Ника Еремеева была в длинном белом платье с диагональным узором в виде серых звезд и темных очках, поднятых поверх высокой прически рыжих волос. Босоножки под цвет платья и легкая бежевая сумочка дополняли облик до летнего.

– А я знала, где тебя искать! – довольно произнесла она на мой невысказанный вопрос и вопросительно поднятую бровь. – Рядом с мороженым!

Не то чтобы сильно соскучился – еще неделю назад вместе падали в одном самолете. Но видеть ее я был определенно рад.

– А где продавец? – поинтересовалась она, оглядываясь по сторонам.

– Нет продавца, – терпеливо вздохнул я.

– Что ты сделал с продавцом? – построжел ее голос.

– Не было продавца, это мое мороженое, – повернулся я лицом обратно к зданию. – Хочешь – верь, хочешь – ищи тело.

– А можно мне?.. – после заминки просительно поскреблись подушечками пальцев по крышке холодильника.

– Нет.

– Почему? – присела она рядом, отразив голосом легкое возмущение и грусть.

– Один раз я уже угощал тебя пломбиром, – припомнил я ей эпизод из детства, который невозможно забыть.

– Его тигры съели!

– Какое глупое оправдание… – проворчал я. – Как там твои поиски?

– Какие еще поиски? – прозвучало в ответ равнодушно и даже удивленно.

Но слух четко определил тщательно маскируемые нотки настороженности в Никином голосе.

– Артефакта, который ты выкинула в урну, – поспешил я уточнить, впрочем, не оборачиваясь в ее сторону.

– Ах, это… – поскучнела девушка, словно вспомнив о мелочи, а не вещице за три полновесных миллиарда.

– Судя по ноткам апельсиновой кожуры, прокисшего сока и забродившего кефира, поиски продолжаются? – втянул я носом воздух.

– Пахнет, да? – заволновалась Ника не на шутку, принюхиваясь к запястьям.

– Не сильно, – успокоил я. – Помочь?

– Нет! – категорично и упрямо ответила она, доставая из сумочки ароматизированные салфетки и оттирая ладони.

– Если что, проси, – повел я плечом.

После чего позволил установиться молчанию, не разрушая его даже после того, как Ника завершила косметические процедуры.

Шелестели университетские фонтаны, включенные по случаю такой жары. Мимо изредка проносились люди на роликах и скейтбордах. Но в основном было тихо – той самой контрастной тишиной, что царит возле образовательных учреждений посреди урока.

– Максим… если честно, я тебя искала, чтобы извиниться, – произнесла Ника первой, вызвав мое нешуточное удивление.

Повернулся к ней и с любопытством оглядел повинную мордашку, устремленную взглядом куда-то вниз и вбок.

– Да неужели? – высказал я вслух.

– Да! – уверенно заявила она и продолжила тем же тоном: – Я повела себя очень грубо, когда мы расстались. Я не должна была так критиковать твое желание стать… ну, императором, – смутилась она.

– Так-так… – повернулся я к ней всем телом, с интересом ожидая продолжения.

– Понимаешь… – только теперь замялась Ника, неловко сцепив пальцы, – когда я была у тебя в гостях… Когда ты спал, я случайно уронила тебя головой вниз со второго этажа. И эти мысли – не твоя вина, а последствия падения!

– Ника, постой… – постарался притормозить ее я, приподняв ладонь.

– Но я тебя обязательно вылечу! – с жаром произнесла девушка. – Я переведусь на психиатра и мы это вместе преодолеем!

– Стоять! – гаркнул я так, что окрестные перелетные птицы все же решились двинуть на юг. – Какой еще второй этаж?

– Окно твоей комнаты, – смутилась она еще сильнее.

– Так. Что ты делала в моей комнате? – Нахмурился, пытаясь состыковать ее совершенно невероятные слова со своими воспоминаниями.

Вернее, с тем, что ничего не помнил о той ночи.

– Пыталась выкрасть… – пискнула Ника еле слышно.

– И это у меня с головой непорядок, да? – оглядел я эту сумасшедшую сверху донизу.

И точно – без панамки! Все с ней понятно.

– И выкрала! – с возмущением добавила она.

– Так, женщина: забыли про меня, – выдохнул я, отметив краем глаза еще двоих знакомых, – вон тебе еще два пациента. Один думает, что он медведь, а вторая –

что она честный человек.

По дорожке в нашу сторону двигались Шуйский Артем и некая Вера.

Нет, я бы подискутировал с Никой о ее странных мыслях и важности не перегреваться на солнце, но без таких свидетелей, как княжич, с которым мы расстались не самым лучшим образом, и его сопровождающая, тоже не питающая ко мне восторга.

Одета пара была вполне по-летнему: в сандалии и легкое платье, походившее на парео радужной расцветки, у Веры, и более солидный бежевый костюм-двойку у Артема. Образ дополнял легкий ветерок, колыхавший платье девушки и полы пиджака юноши – при полном безветрии вообще, что говорило об активированном артефакте у них на службе. Но лучшим «одеянием» для статусной пары были следовавшие позади по дороге и параллельно им по иным тропам люди из охранения – крепкие парни в летних футболках, шортах и темных очках, которые все равно никак не могли скрыть «тяжелый», ощутимый физически взгляд.

Значит, дома у Артема все стабилизировалось, раз он смог призвать своих людей. Это хорошо.

Ника диспозицию оценила мгновенно, приосанившись и чинно уложив ладони на колени.

– От меня не пахнет?.. – произнесла она еле слышно со скромной улыбкой, опустив очи долу.

– Лаванда, ландыши, немного спирта. Цитрусовые – эти остались, но умеренно, – успокоил я ворохнувшуюся девушку. – Боже мой, неужели ты не могла нанять кого-то на поиски?.. – шепотом попенял я ей.

– Три миллиарда!.. – возмутилась она столь же тихо. – А если найдут и присвоят?

– Надо было думать, когда выкидывала… Все, молчим. Здравствуйте, ваше сиятельство! – поднялся я Артему навстречу, сияя радостной улыбкой.

Потому как непонятно, в каком мы сейчас статусе.

– Привет, Максим, – ответил он обычным рукопожатием и дружелюбным выражением на лице, будто и не было ничего.

Это настораживает.

– Давно не виделись, – предложил я им место на скамейке, первым заняв место поближе к холодильнику.

Ника как-то сама собой оказалась за спиной, стараясь не отсвечивать. Их взаимоотношения с Шуйским Артемом описывались фразой: «Убил бы», – так что скромность была не ложной, а объяснимой необходимостью. Документы Артему наверняка прислали из дома новые, но это вряд ли сподвигнет его простить ту, что порвала своими руками оригиналы. Приветствий от Ники все равно не требовалось – они, официально, даже не представлены друг другу.

– С неделю, – оценил период Артем, оставшись стоять на ногах.

Вера тоже спряталась за его спиной, в свою очередь – от меня. Честно говоря, я ничего не имел против нее лично, но предпочел бы уничтожить вместе со всей ее семьей. Данная мысль пришла ровно в тот момент, когда Вера выглянула из-за очень широкого плеча кавалера, пересеклась со мной взглядом и, чуть побледнев, скрылась за широкой спиной.

В общем, обычные у нас отношения, с оглядкой на порядки и правила, в которых нет места жалости к посягнувшим на жизнь и честь, но есть исключения для тех, кто важен нашим друзьям.

– А я тебе звонил, – скучным тоном продолжил Артем.

– Мм?..

– Но меня всякий раз переключало на линию анонимной помощи для самоубийц, – поиграл желваками юноша.

– Я подумал, что ты мог сильно переживать, – отвел я взгляд.

– Максим, это не смешно, знаешь ли! Они перезванивали! Потом еще из универа звонили. Что это вообще за анонимность такая! – возмущался он уже в голос.

– Кто ж знал? – почесал я затылок, искренне винясь.

Артем набрал воздух в легкие для очередной отповеди, но остановился и с выдохом махнул рукой, устраиваясь на скамейке. Позади него, к дальнему краю, юркнула Вера.

– Почему не в университете? – успокоившись, поинтересовался Артем. – Я тебя там искал. Для первокурсников сам ректор выступал, интересно было.

– Да ну… Чувствует моя интуиция, я с ним еще познакомлюсь, – отозвался я без энтузиазма.

– Простите мою бестактность, – отчего-то вскинулся он, чуть повернув корпус, – хочу представить вам Петрову Веру Васильевну. Вера – телеведущая, студент РТФ, очень уважаемый человек на кафедре и моя девушка.

Поворот корпуса, впрочем, был недостаточен, чтобы Вера не смогла укрыться за широким плечом. Но из вежливости ей все же пришлось вынырнуть и осторожно глянуть в нашу сторону. Ее взгляд опасливо прошелся по мне и с любопытством остановился за моим плечом.

– А я вас знаю! – воскликнула Вера, глядя на Нику. – Вы же Еремеева, я ваш приказ на отчисление подписывала!

– А это Еремеева Ника, – спокойно произнес я в ответ на ее бестактность, – она как-то предлагала тебя убить, но я не разрешил. Разумеется, она сейчас очень об этом жалеет.

– О том, что хотела?..

– Возможно.

– Максим! – напрягся Артем.

– Ладно. Позвольте представить вам Еремееву Нику Сергеевну. Ника – временно безработная.

Сильный тычок последовал в спину.

– Ника – одаренная в ранге «ветеран».

Еще один легкий удар – словно напоминающий.

– И Целитель в ранге «воин».

Возмущенное от недооценки постукивание, которое я проигнорировал. Нечего тут перед Верой хвастаться.

– И…

– А еще я его личный психиатр! – добавила Ника уже самостоятельно, обрывая недосказанную мною фразу.

– Целитель-психиатр! – в деланом удивлении приложила Вера ладошку к щеке. – Неужели все так плохо?

– Так, не ссорьтесь, – поднял ладонь Артем, и Вера тут же исчезла за его торсом. – Такой прекрасный день… Вон ларец с мороженым даже стоит. Только продавец, зараза, куда-то делся… – огляделся он по сторонам.

– Это мое мороженое, – насупился я.

– О! С медом есть? – заинтересовался он.

– Есть. И с медом, и без меда, и мед без мороженого.

– Тогда давай угостим дам и отойдем на пару слов? – произнес он просительно, перейдя к тому, что наверняка и явилось причиной этой встречи.

Девушкам достались крошечные вафельные рожки с мороженым, выбранные ими самостоятельно, как обладающие минимальным разрушительным действием на стройность фигуры. Мы с Артемом ограничились пломбирами, съеденными раньше, чем мы удалились на комфортное для безопасного разговора расстояние. Тем не менее не так далеко, чтобы упускать из виду девушек, потому как мало ли что… Ника с Верой, в свою очередь, расположились на противоположных краях скамейки, демонстративно отвернувшись друг от друга. Ну и ладненько.

– Как дела дома? – поинтересовался я для начала.

– Хорошо, – охотно закивал Артем. – Дядя Элим еще полторы недели назад сам с повинной пришел.

– Поругали его, а? – нейтрально произнес я, вспоминая размер его прегрешений и приглушая в душе рванувшуюся ярость.

Дело, конечно, семейное, и кровь одна…

– Дед его приложил так, что еле жив остался, – спокойно отозвался друг, хотя отчитываться о внутренних делах был в общем-то не обязан. – Все, что было у него, забрал клан. Детей и жен в младшие семьи раскидали, по одному и в разные города. Самого? – полуживым на плот и в реку с наказом вернуть всех, кого он в рабство продал, и решить с каждым вопрос виры. А если кого в живых нет, то с семьей погибшего. До того на глаза не появляться.

– Справится? – слегка растерявшись от откровенности, поинтересовался я.

– Чтобы свою родную семью из чужих рук забрать, детям будущее вернуть? Из шкуры вывернется, – уверенно кивнул Артем. – Сбежать все равно не выйдет, с дедом никто в мире не станет ссориться, дядю выгораживая.

– Совсем никто? – засомневался я.

– Максим, по статистике, люди видят медведя куда реже, чем медведь – людей, – вздохнув и тронув короткую прическу, произнес друг. – А дед – он видел тех князей, кого давно в живых нет… Кстати, насчет деда… – неуловимо напрягся

голос друга.

– Мм?..

– Максим, ты не мог бы объяснить, что… с ним происходит? – чуть споткнулся посреди вопроса Артем, подняв взгляд, полный искреннего недоумения.

– А что с ним? – нахмурился я. – Сдавали целым и живым.

– Он совершает нетипичные для себя поступки, – отвел княжич взгляд. – Я еще никогда его таким не видел. Что ты с ним сделал? Что вообще произошло?

– Это долгая история. – Я вновь посмотрел на девушек, что сидели вроде тихо и мирно, улыбаясь миру каждая в свою сторону, но, судя по движениям губ, обменивались короткими мнениями на неизвестную тематику.

Напряжение в их позах показывало, что тематика вряд ли приятная. И если дело пойдет далее слов, будет не очень приятно, если Ника ее тут прибьет – перед другом неудобно.

Я движением подбородка показал Артему на нашу скамейку, и тот, чуть нахмурясь, понятливо кивнул.

– Хоть в двух предложениях? – попросил он, обозначив движение в сторону девушек.

– Ну, самолет с твоим дедом рухнул.

– Это, как я понимаю, плохая новость?

– Мм… это хорошая, – честно признался я. – Плохая в том, что он летел тебя убить, пока ты не вошел в полную силу.

Как бы ни владел собой Артем, но с шага он сбился, ошарашенно посмотрев на меня.

– Теперь представь, – буднично добавил я, – что, проиграв и поклявшись вечно тебе служить, он приезжает к тебе домой. Он знает свою вину перед тобой, он видит твою силу, чувствует свою слабость и осознает твое право судить.

– Погоди, как так-то…

– Я допускаю, что ему страшно. Очень страшно, – вежливо улыбнулся я. – Но это пройдет.

– Это хорошо, – автоматически произнес Артем, о чем-то напряженно размышляя, закусив губу.

– Это плохо, – не согласился я, тут же поймав внимательный взгляд. – Сейчас он покладистый и готов на все, чтобы замолить перед тобой вину. Потом он снова станет собой.

– Прежним он мне нравился гораздо больше, – вновь задумался о своем друг. – Тем более что мне от него ничего не нужно.

– Знания, – подсказал я осторожно.

Вновь под ногами была тонкая грань, где любая дружба завершается и начинаются семейные интересы – закрытые для посторонних.

– Отец передал достаточно.

– Я полагаю, – стараясь не спешить, начал я, – что существо, способное ради власти убить внука, не станет передавать потомку некоторые навыки. Те самые, что делают потомка сильнее прародителя.

Если будет отповедь – то ровно сейчас. Возможно, болезненная. Однако другу я был обязан подсказать этот путь. Отец Артема не был слаб, но был вынужден прятать своего сына от его деда, не в силах тому ничего противопоставить. Отец Артема также нанял ему учителя со стороны, а значит, был не способен вывести на предельный уровень самостоятельно. Выводы лежали на поверхности.

– Я уточню, – вместо ожидаемой реакции, хмуро кивнул Артем, изрядно удивив.

Мы медленно направились к скамейке. Атмосфера вокруг зримо менялась с тихой на шумную и бурлящую – выходили из университетских корпусов студенты, через край наполняя энергией и жизнью все пространство вокруг себя.

– Второй важный вопрос, – вроде как разобравшись с тяжестью первого, по-прежнему спокойно и уверенно произнес друг, – надо решить с твоим статусом.

– А что с ним не так?

– Столица, – повел Артем плечом. – Это у нас в городе все про всех знают. Тут слишком много людей. Много возможных конфликтов.

– У меня достаточно связей, – намекнул я на то, что в прошлый раз его проблемы пришлось решать мне, а не наоборот.

– Уровень твоих связей гораздо выше досадных неприятностей с дураками. Сам не захочешь их использовать ради мелочей, а жить спокойно ты не способен.

– Я честно постараюсь быть скромнее.

– Да не в скромности дело, – с досадой цокнул Артем. – Вот посмотри сам. Стоит твой холодильник. Рядом ты. Значит, мороженщик. А будет статус – то уважаемый человек рядом с холодильником. Отношение общества – под стать.

– Предлагаешь мне обзавестись охраной, как у тебя? – скептически посмотрел я на плечистых ребят, продолжавших держать нас и подходы в фокусе внимания. – На занятия тоже их брать? – вздохнул я без конфликта в голосе.

– Я от них в ближайшее время сам откажусь. Это, – повел он рукой в сторону охраны, – временно, до получения статуса.

– А быть княжичем уже недостаточно?

– Для особого вида дураков – недостаточно, – к удивлению моему, согласился он. – Особый вид будет вызывать на дуэли, стараться уязвить словесно, но без

прямых оскорблений. Словом, это не поможет.

– Тогда о каком статусе идет речь? – слегка запутался я, подумав сначала, что Артем вербует к себе в свиту.

– В конце месяца – столичный экзамен на воинский ранг Силы. При большом скоплении людей. Списки высших рангов во все газеты идут, на телевидение. Подтвержу своего «мастера», и любой смертник меня за километр обходить будет. Так что, Максим, очень прошу – сдай на своего «учителя», и увидишь, что большинство проблем отпадут сами. – Остановившись, он положил руку на мое плечо и внимательно посмотрел мне в глаза. – Я бы очень не хотел, чтобы какой-нибудь высокородный сумасшедший об тебя убился. Криков будет – до небес. Тебе же оно тоже не нужно?

– Я очень внимательно обдумаю этот вопрос, – тщательно взвесив ответ, произнес я.

– Тут думать мало, тут еще именные бланки на аттестацию подать надо вовремя. За подписью князя, между прочим. Эта неделя – крайний срок.

– А можно мне два бланка? – покосился я на Нику.

Напряжение между девушками на скамейке было настолько высоко, что наполнивший дорожки народ не рисковал сесть на свободное место между ними, демонстрируя здоровый инстинкт самосохранения.

– Бланки на ранги от «учителя» и выше, остальным можно обычным порядком, – уловив направление моего взгляда, сказал друг.

– Так можно мне два бланка?

Артем посмотрел недоверчиво сначала на меня, потом на Нику, но все же кивнул.

– Вера! – окликнул он свою девушку, и та покладисто помахала ручкой, сияя улыбкой и изображая саму безобидность.

– Ника, холодильник тырят! – обратил я внимание на опасные поползновения студенческой братии, обнаружившей вещь без присмотра. От окрика те сбежали сами.

А напряжение меж девушками под нашим вниманием тут же схлынуло. Вернее, тщательно замаскировалось за летними улыбками и кроткими взглядами.

Правда, обрадовались этому не только мы. К дамам тут же двинулись два каких-то молодых типа с цветами наперевес.

Первый букет роз от патлатого студента курса эдак третьего достался Вере, заставив Артема возмущенно засопеть и прибавить в шаге.

– Ну, она ж звезда ТВ. Это нормально, – поспешил я его успокоить.

Второй – блондинистый до неприличия, в военной безрукавке, намерился всунуть свой веник Нике.

– А этому я сам шею сверну.

Глава 2

Говорят, мысли способны обретать реальность. Только для хороших мыслей потребен упорный труд, а вот негативные умудряются делать это самостоятельно.

Не прошло и десятка минут с момента предупреждения Артема о мелких проблемах и тех неприятных моментах, которыми они грозят, как у нас с Никой за спиной нарисовалось устойчивое сопровождение из трех юношей, одетых в едином милитаристском стиле. Центральный был знаком – именно ему Ника хлестнула букетом по лицу, и добавил после этого я, не дав парню произнести второе слово, которое вряд ли было бы приличнее первого.

Юношу, слегка провалившегося после удара, мягко подхватили ребята из охранения Артема и отвели в сторону – наверное, чтобы объяснить там правила

движения по дорожкам университета. Идти прямо, цветы не дарить…

Видимо, объяснения не были приняты достаточно близко к сердцу. Хотя тот парень, что вручил букет Вере, проникся сразу же – все-таки княжичей даже в Москве чаще видят со страниц журналов, чем вживую.

Я же не был княжеских кровей, оттого чувство обиды и протеста эту троицу так и не оставило. Отметив это, я попросил у девушки право сопроводить ее до парковки, опасаясь, что эти личности последуют вовсе не за мной.

Ника же чувствовала себя, как кот Машк после единственной в своей жизни кошачьей выставки. Никаких медалей, но какое невероятное довольство от хаоса и возмущенных возгласов, что остались за спиной!

Во-первых, она умудрилась выкинуть Верин букет в урну. Так получилось, что, пока Вера убеждала своего кавалера в невинности подарка, а Артем – в том, что купит ей гораздо лучше, цветы перекочевали из рук Веры к Артему, а потом и к ней. Во-вторых, Ника получила за свой поступок искреннюю благодарность от Артема во взгляде, и бешеную ненависть в глазах Веры. Причем второе пришлось истинным бальзамом на душу, потому что:

– Она могла подождать с приказом. Я же просила всего два дня, и она об этом знала. Стерва! – Это было сказано по секрету, шепотом, стоило нам отойти на безопасное расстояние.

Тот факт, что произносилось это с прежней милой улыбкой и невинным взглядом, вызывало довольно специфичные ощущения и даже легкую опаску.

В очередной раз проконтролировав сопровождение, я отметил, что троице вновь заступили дорогу люди из свиты Артема. Я отнесся к этому вполне положительно – право делать хорошие дела надо уважать и по возможности им не препятствовать. Мне же меньше хлопот в самом деле. Агрессивная троица была вынуждена отказаться от преследования и развернуться. Напоследок, уже отойдя достаточно далеко, главный обиженный украдкой сфотографировал нас с Никой на телефон, одарив хмурым взглядом.

– Что-то случилось? – отметила мою заминку Ника, обернувшись и поискав взглядом объект моего внимания.

– Жертва твоей фитотерапии сильно расстроилась, – указал я подбородком в сторону удаляющихся парней. – Оборачивайся иногда.

– Пф, – отреагировала она с пренебрежением.

– Кстати, зря, – попенял я на ее легкомыслие, – не стоит игнорировать даже мелкие риски.

– Я не игнорирую. Я после тебя ученая, – буркнула Ника. – И без того оборачиваюсь, воду и еду проверяю, без «Доспеха» из дома не выхожу. Так что «пф».

Как-то даже неловко стало. Но ведь к лучшему же, а?

– Молодец, – ограничился я смущенной похвалой на выдохе.

– Да и кто они такие? – равнодушно произнесла она, оборачиваясь.

В конце парка уже не было знакомых силуэтов – только множество других людей, спешивших через вернувшееся лето по своим делам.

Вопрос, кстати, интересный.

– Думаю, приезжие. Из тех, кто был если не первым у себя дома, то вторым, – предположил я.

Местным хватило бы ума оценить диспозицию и отреагировать верно не только на княжича, но и на всех, кто с ним стоял рядом.

– А, тут много таких, – без охоты поддержала Ника беседу. – Знаешь, как актеры, которые всю жизнь играли только Гамлета и первые роли. Приезжают тридцать Гамлетов, тридцать Офелий. А у нас свои есть.

– И как уживаются? – с интересом уточнил.

– Да никак, – пожала девушка плечами, – кто на малые роли идет, кто вокруг себя свой театр организовывает, на своем языке, для своих.

– Осознание, должно быть, болезненное.

– Дуэльный полигон – рядом с университетом, – качнула она головой, указывая за центральный корпус со шпилем. – Обычно хватает демонстрации ранга. Быстро успокаивает.

Сейчас идея Артема с экзаменом не казалась уже настолько… необязательной.

– Участвовала?

– Приходилось, – скупо отозвалась Ника. – Я подтвержденный «ветеран». Мало кто верит сразу, но потом хватает на полгода-год. До нового набора. Так что эти тоже отстанут.

Рядом уже началась парковка – длинная, заставленная в два ряда, с той самой узкой разметкой, что встречается только в столице – еле открыть дверь водителю, пассажирам и вовсе лучше выходить до парковочного кармана. Двигались мы неспешно – Ника вряд ли куда торопилась, а у меня было достаточно времени до лекции. Судя по направлению, машина Ники была где-то впереди, но раз я не видел ее отсюда, то идти нам еще достаточно. Что в общем-то неплохо, так как аккурат появились профильные вопросы.

– А экзамен на ранг – он как происходит? – заинтересовался я.

Ни разу как-то не сдавал. Незачем, честное слово – истинный параметр Силы казалось правильнее скрывать, не давая потенциальному противнику информационного преимущества. Пусть лучше стреляют по вовремя поднятым щитам Силы, чем нанимают киллера среди одаренных. Ранг «воина» – и то присвоили авансом при зачислении в школу, просто вписав в личное дело.

– Так же как на «новика».

– Так, а на «новика»?..

– Максим, ты что, вообще ни разу его не сдавал? – после секундной заминки с удивлением посмотрела Ника.

– Я могу и в интернете посмотреть, – буркнул я, скрывая смущение.

Подумаешь – не интересовался…

– Экзамен состоит в том, чтобы выдать технику ранга, на который претендуешь, – с явным усилием воли удержалась она от подколки. – Есть ограничение по времени и две попытки. Комиссия дает отмашку, пробуешь. Получилось – молодец. Там конвейер, все очень быстро, так что не переживай – пролетишь мигом. Там только на высоких рангах представление настоящее, а в комиссии – «виртуоз». Даже билеты продают.

– То есть выдать технику нужного ранга? – тронул я волосы на голове, задумавшись. – А если я им просто что-нибудь сломаю?

– Будешь платить, – охотно ответила Ника.

– Да нет. Я в смысле не бессмысленных разрушений, а экзамена.

– Ну, если сломаешь техникой этого ранга, тогда да.

– А если без техники? – начал я ощущать некую неуверенность. – Просто Силы будет недостаточно?

Известные мне техники на нужный ранг категорически не тянули. Но раньше как-то хватало ощущения близкого неба над головой, и техники были не нужны.

– Без техники ничего не выйдет. Тут в городе и без тебя достаточно людей, способных ломать, – проворчала Ника. – Сила Крови и гору может стереть, ну и что? Это ведь не ранг мастерства. Ранг – это Сила и контроль!

– Так, и где эту технику тогда взять? – произнес я с возрастающе пасмурным настроением. Хотя бы от того, что уже догадывался об ответе.

– У своего наставника. У семьи. Иногда – купить, если стихия распространенная, – произнесла девушка как само собой разумеющееся.

– Очень распространенная… – хмуро пробормотал я.

Всего у одной семьи в стране такая же. И та – родня, чтобы ей икалось.

– А можно – украсть… – прошептала Ника, опасливо посмотрев по сторонам. – Вместе с носителем техники.

– И пытать потом? – поднял я мрачный взгляд.

– Нет, почему, – отчего-то смутилась девушка и отвела взгляд, – можно лаской выведать. Но пытки, конечно, надежнее! – тут же уверила она меня.

– Так. Деда украсть, – решительно пробормотал я. – Связать и скрежетать пенопластом по стеклу.

– А кто дед? – поинтересовалась Ника.

– «Виртуоз».

– У-у, нет. Я бы не рекомендовала, – категорично покачала она головой. – А у Самойловых есть дед-«виртуоз»? – не смогла сдержать она любопытства в глазах.

– У Самойловых – ни одного.

– А как же?.. – обескураженно и даже словно обидевшись на неправду, протянула Ника.

– Зато у меня – два, – с силой потер я руками виски. – Да что за несправедливость-то! Один ведь нормальный, но стихия – огонь.

– Огонь? Как у меня… – произнесла она, как Тоня перед витриной с красивым платьем своего размера.

– А второй – тот еще дед… – проигнорировал я до поры ее мечтания.

– В общем, «виртуозы» сразу не вариант, – собралась Ника, перейдя на деловой тон, – ищи кого попроще.

– Есть «мастер», но там – вода… – со вздохом припомнил я. – И пытать не надо.

– Родственник?

– Бабушка.

– Самойловых?

– Нет.

– А-а… У тебя еще много таких родственников? – со странным выражением лица, словно пытаясь угадать – не разыгрываю ли, уточнила Ника.

– Полно, – рубанул в ответ, – приемный я.

Значит, будем похищать кого-нибудь за рубежом. Потому что родня не вариант – недолюбливаю я ее.

– Тогда понятно…

– Что понятно? – сбился я с мысли, уловив некую грусть и сожаление в голосе девушки.

– Знаешь, когда тот человек хотел дать мне денег, чтобы я никогда к тебе больше не подходила, я чувствовала себя очень виноватой, – скрестив руки на груди, отвела Ника взгляд.

– Постой, какой человек? – поднял я бровь.

– Я подумала – это твой человек. Подумала, что ты очень обиделся на мои слова, раз предлагаешь сорок миллионов, лишь бы я никогда к тебе не приближалась.

– Какие еще сорок миллионов? – остановил я ее, весьма обескураженный полученной информацией, перегородив дорогу и тронув за плечо.

– Наверное, лучше бы я взяла эти деньги? – посмотрела Ника, чуть наклонив голову и прикусив губу.

– Деньги, разумеется, лучше бы взяла, – попенял я ей. – Нет в тебе хозяйственной жилки!

– Значит, ты… – вскинулась девушка.

– Это значит, что желание того человека ничего для меня не решает, – перебил я ее.

– Это ведь твоя родня, да? Два «виртуоза», «мастер»… ты же не врешь? – напряженно искали правду ее глаза.

– Слушай, у всех есть свои недостатки, – вздохнул я примирительно. – У меня вот – родня. У тебя – способность выкинуть артефакт за три миллиарда.

– Они не хотят меня видеть рядом с тобой.

– Допускаю, именно так, – вынужден был я согласиться.

– Кто ты вообще такой? – задала она вопрос, который нормальные люди задают обычно при первой встрече. А не после того, как за спиной остаются тигры, прорванная плотина и упавший самолет.

– Да обычный человек с обычными проблемами. – Мне осталось только развести руками.

– Обычный… с проблемами… – эхом отозвалась Ника и, обогнув меня, потерянно пошла дальше, глядя под ноги и произнеся с горечью: – Что ты вообще знаешь про проблемы…

– Ника, да подожди ты, – чертыхнулся я еле слышно и двинулся рядом с ней. – Ну, хочешь, не глядя поменяемся всеми проблемами, а?

– У меня шесть миллионов штрафа за метро, арестованное помещение ресторана и миллион рублей неустоек.

– Пф, – повторил я звук, в ее языке означавший пренебрежение. – Так меняемся?

Ника настороженно покосилась на меня.

– Вот посмотри, – обрадовался я хоть такому вниманию и протянул ей сотовый телефон со спешно открытым файлом на экране.

– Это что еще за набор цифр? – механически протянув руку к корпусу, она заметила в правом углу девятизначную сумму, выделенную жирным черным шрифтом.

– Это – за упавший самолет, ущерб экологии и работы по вывозу обломков, – бодро отозвался я. – Меняемся?

– Так! Убери это от меня, – отдернула она руки от сотового, покосившись на экран с опаской. – Двести миллионов? Они с ума сошли?!

– Тут еще со скидкой, – пожал я плечами. – Нормально.

– И что теперь будет? – посмотрела Ника робко, как та девчонка возле разбитого школьного окна и мячика.

– Да ничего, – хмыкнул я задумчиво. – Мороженое подорожает.

– Мороженое?

– Ага. Копеек на сорок, – приценился я к жаре, по прогнозам установившейся недели на две.

Магазины вряд ли создали достаточные запасы, опасаясь холодного сезона, так что есть повод взвинтить отпускные цены. Для первого транша достаточно, а с семьей Артема можно рассчитаться чуть позже.

– От тебя никогда нельзя ждать серьезности, – посетовала девушка, покачав головой. – Тем не менее я бы не стала на твоем месте обмениваться со мной проблемами. Даже сейчас.

– Что снова не так? – проявил я терпение.

– Еще три миллиарда за вещь, которую Борис Игнатьевич может потребовать вернуть в любой момент, – вновь понурила она голову.

– Это которая чтобы меня убить? – напомнил я девушке важное обстоятельство.

– Да. Ты ведь жив.

«Ну, знаете ли!..» – еле подавил я возмущение и вместо того выдрал листочек из тетрадки для лекций, после чего записал на нем телефон по памяти.

– Вот. Позвони по этому номеру, там все решат.

– Это твои друзья? – с затаенной надеждой спросила Ника, приняв листок в руки.

– Это управление собственной безопасности ИСБ.

– Максим, я не смогу, – уронила она руку с листком в ладони.

– Позвонить?

– Тягаться с ним. С ИСБ. Мне проще найти и отдать. Извини, – отвела она взгляд в сторону. – Я – не ты.

– Это распространенная проблема, – согласно кивнул я, – у многих такая же.

– Хватит паясничать! – притопнула она ножкой. – Может, на твоем месте все кажется легко и несерьезно! Но если мир вертится вокруг тебя, это не означает, что у остальных так же!

– Так, а ну прекратить панику! – поднял я руку. – Ника, я сейчас попрошу тебя сделать очень важное дело.

Девушка настороженно посмотрела в мою сторону.

– Встань, будь так добра, на мое место, – указал я рядом с собой. – Ну же, смелее.

Вокруг активно ходили люди, но фирменное столичное равнодушие позволяло оставаться наедине даже в толпе.

– Максим, я…

– Я тебя очень прошу, – настоял я. – Согласись, я очень редко о чем-то прошу.

Ника осторожно ступила рядом, касаясь меня платьем. Отшагнул в сторону, проследил, чтобы девушка встала ровно на мои старые следы.

– Ну как тебе? – поинтересовался, стоя тут же.

– Ч-что?

– Легко и несерьезно ли тебе на моем месте?

– Максим, не обижайся.

– Чувствуешь, как мир крутится вокруг?

– Я наговорила лишнего.

– Так чувствуешь или нет? – проявил я настойчивость.

– Нет, – прозвучал грустный голос девушки, явно расстроенной тем, как пошла беседа.

– Значит, слабо раскручиваешь, – попенял я ей и присел рядом. – Садись на мое плечо.

– Максим…

– Садись, я удержу, – настоял я.

И стоило ощутить на себе приятную тяжесть, встал во весь рост и закружился.

– Чувствуешь, как мир крутится вокруг тебя? – спросил я сквозь улыбку.

Потому что Ника взвизгнула от неожиданности и приобняла за голову. И потому что я видел и ее улыбку тоже.

– Чувствуешь?! – грозно переспросил я, ускорившись.

– Да! – ответили мне с легкой паникой, но веселой.

– И он будет крутиться дальше, – остановился я и посмотрел наверх, – только для этого придется оставаться на моем плече и дальше.

– Дай мне спуститься, люди смотрят.

– Пусть смотрят, как тебе легко и несерьезно.

– У нормальных людей на плече ангел-хранитель. А у тебя – психиатр, – фыркнула Ника, качнув носочком туфли. – Нет, правда, дай спуститься. Ко мне работники домой должны приехать, я опаздываю.

– Ладно, – чуть присел я и перенес ее на асфальт. – Что за работники?

– Да так, мебель перенести, – будучи в хорошем настроении, отмахнулась она.

– Сказала бы, мы с Артемом сами помогли.

– С Шуйским-то? – посмотрела она с опаской.

– Ну, не с Артемом, так я бы Игоря Долгорукого позвал.

– Княжича? Мебель перенести?..

– Ну он же не инвалид, – недоуменно посмотрел я на нее, – помог бы, конечно.

– Спасибо, я лучше рабочим заплачу. Тем более там много работы, – чуть погрустнела Ника.

– Далеко до твоей машины?

– Так нет машины. Продала, – вновь вернула себе бодрость девушка. – Но это ерунда! Там две минуты до метро. Жаль, конечно, переезжать. Хозяйка уперлась, не захотела ждать платеж. Тем более я ей дверь сломала…

– А-а, – покивал я и изобразил, будто только что вспомнил что-то: – Слушай, я тут подумал… может, тебе не надо переезжать?

– Что значит «не надо», если придется?

– В общем, так вышло, что это я твою квартиру арендовал, – тронул я затылок, глядя немного в сторону. – Ну, это еще до самолета было. Я подумал, а вдруг ты после метро не сможешь ее себе позволить, а ее кто-то другой заберет. Хорошая же квартира… – стушевался я под ее взглядом.

– Максим… Я разрушила метро из-за тебя. По твоей вине, – задрожал ее голос напряжением. – И дверь я сломала, потому что ты ее заварил. Заметь, я честно постаралась все забыть!

– Так ведь и сейчас все к лучшему?

– Нет, Максим. Не к лучшему. Ты отнял мою квартиру!

– Но я же и вернул!

– Уже продана машина, на эти деньги снята новая квартира, перевезены все вещи, кроме мебели! И мне теперь сказать тебе спасибо, что ты позволяешь вернуться мне туда, откуда сам выкинул?!

– Ника, ведь ничего страшного еще не произошло, – искренне недоумевал я.

– Произошло. Ты снова планируешь, как мне будет лучше, – отвернулась она и быстрым шагом двинулась в сторону метро.

– Но это ведь было до обещания…

В ответ же – только мимолетный взгляд и скрещенные у груди руки. Правда, во взгляде том не было злости. Скорее, легкая паника. Будто произошло что-то значимое, но настолько хорошее, что впору испугаться и убежать под любым, пусть даже надуманным, предлогом. Или мне кажется, и страха там было больше – старого, напоминавшего о том, каким чудовищем я являюсь на самом деле.

В университет возвращался не в самом лучшем состоянии чувств. Откровенно паршиво было на душе, а Ника не брала трубку, отключив телефон.

Оттого деятельное внимание всей аудитории, отчего-то слитно повернувшейся ко мне, стоило войти, воспринял без энтузиазма. Буркнул приветствие, отметил по часам, что не опоздал, и сел за ближайшую парту.

– Максим Самойлов, верно? – произнесла певучим голосом девушка-преподаватель от доски.

А взгляды коллектива отчего-то продолжали оценивающе меня сверлить. Тридцать специфичных взглядов людей, принадлежавших к компьютерной индустрии, – умных, через очки и без них, но одинаково бессердечных в потаенной глубине с виду невинных и безобидных глаз. Знаю я таких, я им сервер как-то взрывал…

– Верно, – буркнул я, пытаясь параллельно решить древний и безнадежный вопрос: «Ну что ей опять не так?», – адресованный по-прежнему Нике.

– У нас прошли выборы старосты группы. И мы, всем коллективом, выбрали вас! – произнесла она так бодро и уверенно, что я сразу ни черта не поверил.

– Меня? – усомнился я, поочередно пристально глядя на сокурсников.

Те тут же отводили взгляд. Но хоть бы у кого-то на лице появилось смущение! Правда, какая может быть совесть у людей, отрицающих эмпирические методы…

– Заочно! Мы посчитали, что вы самый лучший!

– И единственный, кто не смог отказаться от сомнительной обязанности быть ответственным за всех, – произнес я без настроения и поднялся с места.

– Нет-нет, у нас были кандидаты! – чуть неловко заверили меня.

– Кто именно? – Сцепив руки за спиной, я неспешно двинулся вниз, к доске амфитеатра аудитории.

– Вот девушка… Ромашева, верно?

– Я не могу, я безответственная и забывчивая, – четко и по-деловому отрапортовали преподавателю.

Посмотрел на говорившую – забывчивая оказалась брюнеткой с короткими волосами, в деловом костюме, очках с золоченой оправой и с массивным телефоном, слегка прикрытым ребром тетрадки.

– Ромашева – девяносто два балла по математике и девяносто четыре по информатике, – прокомментировал я по памяти и остановился возле доски в самом низу.

– Откуда вы знаете? – сбилась девушка, произнеся это без прежнего механического равнодушия и даже почти как настоящий человек.

– Вы разрешите? – обратился я к преподавателю, указав на кафедру.

– Да-да, конечно, – отодвинулась она в сторону.

Я же, пребывая в прежнем сумрачном настроении, положил руки на лакированное дерево и тяжелым взглядом обвел эту шайку беспринципных заговорщиков, что в будущем будет собирать роботов, которые будут убивать людей. Милые ребята. Большинство предпочло надеть еще школьные пиджаки и выпускные платья, которые маскировали их истинные стремления, но глаза выдавали всё.

– Сейчас я приведу пару доводов, достаточно убедительных, чтобы Ромашева стала старостой, – тяжело вздохнул я.

– Но я не…

– Тишина! Итак, меня зовут Максим Самойлов. Запишите, если кто-то не способен запомнить.

За спиной послышались торопливые звуки мела по доске. Пожалуй, это избыточно, ну да ладно.

– Я деспот и тиран, не признающий оправдания, – продолжил я ронять тяжелые слова в установившейся тишине. – У меня все присутствующие будут учиться на отлично, хотят они этого или нет. Есть много путей достигнуть цели. Пытки. Моральное давление. Похищение кота. Я обещаю вам боль и слезы, через которые вы придете к своему красному диплому. Обещаю ночи без сна и дни без солнца во время сессии. Обещаю многие километры дистанций на межвузовских соревнованиях, лидерам которых достанутся медали, а отстающим – сломанные пальцы левой руки, потому что правой вы продолжите писать конспекты. Все меня услышали?

Неслаженное согласие прокатилось по рядам.

– А теперь предлагаю проголосовать за Ромашеву, – удовлетворенно кивнул я головой.

Вверх неловко потянулись ладони.

– Ромашева, нельзя голосовать за себя, – попеняла преподаватель, пытаясь соблюсти видимость приличия. – Зачем вы подняли обе руки?

– Я н-не голосую. Я сдаюсь!

«Все-таки в этой заморской придумке с голосованием что-то есть», – отметил я и неспешно вернулся на место. И уже там, пользуясь общей суетой и очередным оргвопросом, от которого все дружно принялись отпиниваться (не беспокоя, по счастью, меня) открыл Интернет в сотовом и набрал запрос о кланах за рубежом, практикующих сходную мне стихию.

«Ладно. Посмотрим, кто у нас сегодня выиграет бесплатную путевку в Россию».

Глава 3

Из всех поборов и расходов, сопровождающих жизнь в столице, есть один самый существенный, пусть и неявный. Его не указывают в соответствующих кодексах, не обсуждают в кулуарах высокопоставленных учреждений и палатах княжеских дворцов. Тем не менее выплачивают его все – вне зависимости от звания и титула, положения в обществе и количества прожитых лет.

От одного до двух часов светового дня – такова мера жизни, что забирает себе Москва у каждого, кому надо добираться по ее дорогам из одной части города в другую. И тем вечером я платил эту дань в полном объеме.

Машины медленно толкались в пробке, силясь прорваться на магистраль за знаком «Уступи дорогу». Там, впрочем, тоже еле шевелились и неохотно пропускали в свои ряды новых участников ежевечернего стояния.

За поднятым стеклом автомобиля было прежнее первое сентября, на этот раз прохладное, сумрачное и ветреное по вечернему времени – как напоминание, что уже осень, и лето поутру было насквозь фальшивым. Длинный день, из череды важных и длинных дней, после которых устанавливается затишье на

недели и месяцы. Осталось довести его до конца, не позволив беспокоящим вопросам перейти в день завтрашний и растянуть его, как этот.

Добровольное заточение в машине сглаживалось возможностью поработать – водитель вел сегодняшний БМВ аккуратно, из кресла впереди откидывался столик, на котором вполне комфортно размещался ноутбук. Кондиционер гонял воздух по кругу, не позволяя выхлопам проникнуть внутрь салона, а интернет из сим-карты выдавал достаточную скорость, чтобы глобальная сеть отзывалась на запросы оперативно и без зависаний.

Принтера нет, но некоторую информацию даже лучше записывать на бумаге, окружая небольшими зарисовками-ассоциациями, шифруя мысли и обдумывая вероятности. Заметок между тем накопилось немало.

Итак, стихия электричества, она же стихия молнии. Если исходить из открытых источников, стихия открыто практиковалась всего одним семейством, проживавшим в Стране восходящего солнца. Собственно, герб семейства эту самую ветвистую молнию и изображал, не оставляя места тайне – традиционной в таких делах, хоть и бессмысленной по нынешним временам.

К слову, достаточно старое и богатое семейство: владельцы заводов, целого города на одном из мелких островов, и огромного самомнения. Обладают титулом кадзоку, что по-нашему вроде старой имперской аристократии.
В заметках написано о четырех супругах главы клана и восьми детях, из которых половина, судя по возрасту, должна быть нужного ранга – в старых семьях считается нормальным достигать «учителя» к девятнадцати.

Вариант сомнительный с точки зрения языкового барьера – иностранный в Японии не особо-то учат, полагая все остальное человечество недостойными такого уважения варварами. Главные расисты на планете Земля как результат многовековой самоизоляции. В Китае их полагают некогда сбежавшими с континента отщепенцами и на всю эту высокую патетику имеют свою точку зрения, из-за которой, собственно, они и режут друг друга по сей день, отдавая предпочтение прибрежным набегам вместо большой войны.

В общем, если рассматривать в качестве «дорогих гостей», то в последнюю очередь. Тем более видел я как-то мельком те комиксы у Федора в комнате – и как-то не особо горю желанием знакомиться с носителями культуры

многощупальцевых монстров (Федор утверждал, что его подставили, а комиксы подкинули).

Далее шли источники закрытые, тщательно просеянные аналитическим отделом (потому что у меня начались занятия) и взвешенные с точки зрения достоверности.

Семья Ким из Кореи, вторая семья по старшинству в клане Ю. Держат в цепких кулачках своих матриархов производство электроэнергии на всем полуострове. Богатство присутствует, а вот власти и влияния – ровно для того, чтобы считаться вторыми в разветвленной системе клана. Никакой информации про состав семьи – интернет на полуострове закрыт от внешнего мира. То есть надо будет подождать, пока пройдет платеж и информация появится.

Тибет, клан Го, главная и одноименная семья. Владельцы храмов и культовых сооружений на территории всей Шамбалы. Судя по оговоркам и тому, что они ничего не производят и не продают официально – региональная мафия, деньги которой исключительно добровольно приносят в храмы. Заодно – третейские судьи, которые решают конфликты других уважаемых людей. Пишут, что с ними не принято спорить – может ударить молния с чистого неба, которую обычно трактуют как гнев богов. Тоже так умею, но полагаю себя гораздо скромнее… Есть оговорки, что главная семья покровительствует контрабанде Россия – Тибет – Китай, обеспечивая тотальную непогоду на границе, не затрагивающую, впрочем, несколько удобных дорог, которых официально нет на карте. Количество членов семьи неизвестно, надо уточнять. Единственное – глава рода учился в Англии, как и его отец, так что дети тоже наверняка по заграницам. То есть, если что – английский знают, а русскому научим.

Анды. Даже не страна, просто горы. Дикость какая-то – относительно небольшой по численности клан расположился на территории сразу нескольких государств, но те предпочитают этого не замечать. Границы стран выходят к океану, портовые города стоят у воды, и на них чистокровный индейский клан Аймара не претендует, оттого сохраняется видимость добрососедских отношений. Когда-то клан устоял под натиском испанских конкистадоров, обеспечив своей победой независимость и сопредельным территориям. Однако сердечная благодарность со временем забылась – судя по сводке, конфликты клана с местными «борцами за независимость» утроились за последний год. Клан сидит на природных богатствах всей горной гряды, а в мире есть огромное количество сил, готовых помочь исправить «несправедливое распределение ресурсов». Уже не первую

сотню лет пытаются – как-то не выходит, но сейчас взялись плотно. Во всяком случае, в тексте прямо отмечено, что за год к «идеалистам» и «партизанам» присоединились два «мастера» из Северной Америки. Серьезные силы, только вот выхлоп визуально слабоват – какие-то порушенные деревеньки на периферии клановых владений, словно подниматься дальше в горы откровенно страшновато… Но в целом мало информации, много мистики, как про закрытые сообщества обычно и бывает. Одно ясно – несмотря на собственные города, обучение специалистов клана налажено за рубежом, под гарантии тамошних известных институтов и университетов. Можно найти кого зазвать в гости – опять же английским разговорным там владеют точно, да и индейцы – это всегда интересно.

Куба. Семейство Льео, которому в Средние века дружно приписывали все пропавшие в штормах Бермудского треугольника корабли. Те обижались и говорили, что хорошо бы, если действительно все… Сейчас солидные мореходы и торговцы. Правда, есть поверье, что контейнеровозы федераций Америки и соседних стран пропадают именно тогда, когда сами Льео выходят в море – и товары, которые были в тех контейнеровозах, потом возникают на рынке с большим дисконтом, пусть и подмоченные соленой водой… Но сейчас это у них, скорее, для души, потому как объемы перевозок позволяют семье выглядеть респектабельно, заниматься благотворительностью и слегка – политикой. Другим бизнесом семейства является страхование морских перевозок. Тоже знакомая тема… Данных о семье нет, но с гарантией – вся она проживает на острове, посещая изредка только большие и дальние страны, потому что в мелких и ближних одни кровники.

Россия, Юсуповы. Много нефти, газа и сопутствующего бизнеса. Влиятельны, богаты, обладают рядом наследников в ранге «учитель» и выше, обучающихся в том числе в Москве. Но это вообще не вариант.

Поставил гневную закорючку рядом с обозначением фамилии и подытожил список росчерком. Может, где-то кто-то есть еще (например, как есть я), но пока это все, над чем можно работать.

– Господин, приехали.

Половинка листка с записями была аккуратно сложена вчетверо и отправлена в нагрудный карман. Информация в компьютере стерта одним нажатием кнопки на физическом уровне, сим-карта, обеспечивающая доступ в интернет, – сломана

пополам и отправлена в пустой стаканчик из-под чая, с наказом водителю сделать круг по району и выкинуть по пути.

Сам же я выбрался из машины возле третьего подъезда белого пятиэтажного здания, рядом с которым, если честно, все еще искренне жаждал застать суматоху переезда.

Неловко вышло с квартирой Ники. Недооценил желание хозяйки квартиры присвоить депозит, который она точно не вернула бы после сломанной входной двери. Опять же цену аренды мне назвали точно выше, чем Ника платила до этого. Но был шанс все исправить – достаточно переговорить спокойно, без ее желания убежать и моего – догнать и продавить свое мнение. Переговорить как с той, что спасла мне жизнь, соглашаясь и винясь в нужных местах.

Тем не менее возле подъезда никого не было. Расчет на то, что бригада грузчиков соблазнится легкими деньгами, пожелав затянуть процесс переезда, – не оправдался. В последнее время многие планы перестали сбываться…

Я неспешно дошел до входной железной двери подъезда, присел на скамейку возле входа и набрал телефон хозяйки квартиры. Удалось договориться, что ключи привезут через десяток минут – арендатор, вот счастье, съехал совсем недавно, и она не успела отъехать далеко…

– Ох уж эти пробки… – вздохнув, поделился я с небом над головой, сетуя на упущенную возможность, и приготовился ждать.

Новый адрес Ники можно получить за день-два, но беседа нужна сегодня. Арендодателю адрес не известен, но наверняка его помнят грузчики. Так-то они адрес точно не скажут, но вот если иметь на руках аргумент – например, найти что-то забытое Никой при переезде и попытаться «вернуть» через них, то наверняка поспособствуют, чтобы самим не нарваться на обвинение в краже. Правда, забытую вещь легко придумать, вытащив, к примеру, собственную связку ключей из кармана. Но лучше бы вещь оказалась действительно найденной – чтобы можно было вернуть Нике, не выслушивая очередную порцию беспочвенных обвинений, что я ее преследую.

Арендованная квартира встретила пустотой, вымытыми полами и снятыми занавесками с окон, за которыми виднелся вечерний двор.

Игнорируя речи хозяйки, принявшейся расхваливать достоинства квартиры, снял обувь и в одних носках прошел по прихожей вперед.

Две комнаты, маленькая кухня – стандарт для старого дома, главной ценностью которого было расположение на карте города. Да, есть ремонт – светлая краска на стенах, практичная и симпатичная на вид. Есть натяжные потолки, скрывающие неоштукатуренный потолок. Есть линолеум под ногами, расцветкой под ореховый паркет. Даже кухонный гарнитур цвета морской волны, вместе с белым столом и двумя табуретами – и те современные, почти новые на вид. Но где-то за пять километров отсюда все это стоило бы раза в три дешевле.

– А еще дверь поставили новую, итальянские замки! – раздалось позади.

Глядя на меня, хозяйка квартиры не решилась проходить вперед в обуви, но и снимать свои туфли не захотела, оставшись возле входа.

– Спасибо, мне все нравится, – ограничился я фразой и повернулся к ней. – Ключи?

– Да, разумеется. – Некрупная связка из трех железок была взята из ее ладони.

– На этом все?

– Если вы принимаете все как есть…

– Принимаю, – отвернулся я в сторону комнат.

– Акт приемки…

– Подпишет водитель у подъезда. Договор оформлен на него.

– Тогда хорошего вечера! – Щелкнул замок за спиной, дунуло холодом из коридора, и дверь вновь закрылась, оставляя в тишине.

Но если внимательно прислушаться – кто-то ходил у соседей; прозвучал громкий детский голос с улицы; еле слышно щелкала секундная стрелка часов с кухни.

Сделал шаг – и эхо его по-особенному отразилось от пола и пустых стен.

Зашел в первую комнату, отметил продавленные отпечатки на линолеуме от ножек стола и накатанную траекторию роликов кресла перед ними. В стене – следы от крепления картин. Кабинет, быть может?

В другой комнате остались следы полутораспальной кровати. Чуть более светлый, чем остальная стена, прямоугольник у входа, перед которым наверняка был шкаф. Место для трюмо, место журнального столика.

Ванная – след от большого зеркала. Кухня – светлые квадраты от холодильника и морозильной камеры.

Четкие отпечатки жизни человека на протяжении нескольких лет. Для которого потерять все это – весомый повод обидеться.

И ничего вокруг из того, что было бы оставлено и забыто. Даже застекленный балкон – и тот чист, и без паутины в верхних углах рамы. Не возвращать же ей утепление, что так приятно пружинило под ногами…

Под балконом, по дорожке, степенно прохаживалась дама с мелкой собачкой на поводке, спешили с работы люди. А если поднять взгляд выше – дремало здание лицея, окруженное небольшим парком, сияющим золотой листвой. Возможно, ей нравилось тут стоять.

Поймав себя на несвойственной меланхолии, отправился на кухню – ополоснуть руки. Там-то и обнаружил оставленный кем-то в раковине стакан – быть может, выпили воды и оставили. Сполоснув его, поставил на кухонный стол. Сам же, пододвинув табурет, присел рядом, рассматривая стекляшку без особых эмоций. Так себе находка. Вряд ли достаточная, чтобы возникнуть у Ники перед дверью в восьмом часу. Хотя когда это меня останавливало?

Вновь задумавшись над странной реакцией разума, с тоской оглядел кухню.
И почти сразу же зацепился за пенал двустворчатого шкафа под потолком, расположенного прямо над выходом в прихожую.

У нас дома в похожем хранились (недолго) варенье и мед, но чаще – пустые банки из-под варенья и меда. Иногда в него попадали и другие интересные вещи, которые было легко забыть и потерять, потом купить новое, при необходимости повторить (смотри раскрытое дело о шести одинаковых парах туфель).

Во всяком случае, если при переезде могли что-то забыть, то оно точно там.

Воодушевившись, переставил табурет под дверцы, распахнул их и, приподнявшись на цыпочках, заглянул внутрь. Паук в дальнем углу возмущенно перебрался от света подальше в тень. Пустота, и даже банок нет. На кончиках пальцев, которыми я придерживался за полку – небольшой слой пыли. Во всяком случае, здесь точно не убирали перед отъездом.

Для очистки совести повел рукой чуть вперед, ощупывая дно ящика – рост и прибавка в высоте от табурета все равно не позволяли заглянуть на основание полки, так что либо ставить второй табурет, либо так – тактильно… А раз ничего не видно, то ставить второй табурет никакого смысла не было. Так что проверить, для очистки совести, пока разум придумывает новый правдоподобный предлог для встречи с девушкой.

Пальцы между тем наткнулись на что-то плотное и бумажное, упрятанное так далеко, что пришлось максимально вытянуть руку. Будто зашвырнули с силой внутрь.

– Так-так, – зажегся я азартом, пододвигая конверт чуть ближе и подцепляя его.

И когда тот был уже в ладони, осторожно спустился и отряхнул над раковиной. Пыли с той стороны, что была верхней, почти нет – основная, комковатая, налипла от ящика по краям. Интересно…

Обычный бумажный конверт, с логотипом производителя фотопленки и лейблом фотоателье – в таких передают отпечатанный заказ клиенту. Конверт открытый, пломба сорвана, клея нет. На одной стороне – дата недельной давности. Заказчик – Еремеева Н. Ее сотовый телефон.

Заметил, что с любопытством изучаю детали, но медлю, чтобы заглянуть внутрь. С одной стороны, предмет, чтобы вернуть Нике, уже есть. С другой стороны, там,

на фото, вряд ли что-то достаточно личное – во всяком случае, не более того, что можно доверить глазу специалистов фотоателье и менеджеру, растасовывающему фото по пакетам. Ну а если есть, то уж лучше не нести это девушке вовсе, чтобы не смущать и не наталкивать на глупые мысли про шантаж.

В общем, глянул.

К счастью, табурет был рядом – искать не пришлось, и было куда сесть. Потому что сесть было нужно.

– Как же так?..

Кровь прилила к ушам, а в мыслях поселилась растерянность.

На каждом фото – селфи Ники в чужих объятиях: счастливая и веселая, в различных платьях, перед накрытым столом и на улицах города. И на каждом же фото – мое лицо и фигура на заднем плане: то стою за стеклом кафетерия, глядя куда-то в сторону; то в конце длинной парковой дорожки; то снова не вижу их, ожидая кого-то за углом здания.

Словно холодный ушат воды обрушился на голову.

Надо было что-то делать. Я не мог этого оставить просто так. Особенно если это повторится. Недопустимо. Нельзя. Не позволю.

Но все нужно сделать чисто и технично. Решение принято, и не следует проявлять лишних эмоций. Сосредоточившись и успокоившись, набрал телефон друга.

– Артем? Привет.

– Привет… Слушай, я с Верой в театре, можно перезвоню?.. – тихим шепотом донеслось из трубки.

– Мне нужен свидетель. – Несмотря на все желание быть спокойным, что-то звеняще-нервное и напряженное все же проявилось в голосе.

Таким выбитым из колеи я себя давно не чувствовал.

– Диктуй адрес, – подобрался Артем.

Я продиктовал, добавив, что это адрес Ники, теперь уже бывший.

– Никому не звони. Буду через пятнадцать минут, – нажал на отбой друг.

И потянулись секунды ожидания. Снимки легли на край стола, цветными отпечатками вниз – потому что сил на них смотреть не было. Только зубовный скрежет и желание что-нибудь разнести.

За окном громыхнула гроза – пришлось прикрыть глаза и задышать медленно и спокойно. Выключил свет и привалился спиной к стене кухни, без всяких мыслей рассматривая участок неба над соседним домом через окно.

В дверь постучались минут через двадцать – слегка, не трогая дверной звонок. Затем осторожно провернулась ручка двери, проверяя, закрыт ли замок.

Было открыто, поэтому крупный силуэт Артема удивительно ловко и бесшумно проскользнул внутрь, прикрыв створку за собой.

– Где она? – тихо произнес он, остановившись на пороге кухни.

В полумраке, шедшем со двора, можно было различить белую футболку, пущенную навыпуск. Лицо прикрывала бейсболка, натянутая чуть ниже, чем было бы удобно. Верхняя часть костюма и рубашка, по всей видимости, остались в машине. Вряд ли в футболке пускают в театр…

– Ее тут нет, – констатировал я очевидное.

– Это хорошо, – шагнул ближе друг, оглядел пространство кухни и присел со мной рядом на второй табурет, опираясь локтями на стол, но не касаясь фотографий. – Ты, главное, не переживай. Все решим.

– Извини, что выдернул, – запоздало повинился я, отлипая от стены и выпрямляя спину. – Все слишком неожиданно. Можно сказать, я запаниковал.

Откровенность вышла легко и просто, как некогда с Федором. Я все-таки человек, и хотя бизнес на определенном уровне предпочитает работать с людьми без слабостей и недостатков, иногда нужно на кого-то опереться.

– Ну ничего-ничего, все будет в порядке. – Стянув бейсболку, он провел рукой по своим волосам, не поднимая взгляда от столешницы. – Признаюсь, я знал, что так получится. Всего два исхода событий: либо поубиваете друг друга, либо поженитесь. Я надеялся, что будет иначе. Не важно, – поднял он руку на мое невысказанное возражение, – теперь все в прошлом.

– Это, – постучал я пальцем по фото, – обязано остаться в прошлом. Остальное не имеет значения.

– Что там? – с заминкой, вызванной тактичностью, уточнил княжич. – Это не из-за глупого любопытства. Мне важно знать, понимаешь? Мне с этим работать, чтобы все прошло гладко.

В его словах был резон.

– Измена, – скупо произнес я, переворачивая первую попавшуюся фотографию.

Очередной снимок: она, его рука на ее талии, и я – на фоне, сижу к ним спиной на скамейке. Как же захлестывает ярость…

– Кто он? – скупо произнес Артем, наклоняясь над снимком и вглядываясь в него в неосвещенном полумраке кухни. – Погоди… – чуть тронуло удивление его голос, – но это же манекен ее обнимает? Пластик, глаза нарисованные…

– Да ты на фоне посмотри! На скамейке! – возмутился я, указав пальцем на участок кадра.

– Стоп, но на скамейке – тоже манекен, – раздражаясь, произнес Артем, – твой манекен, который она с лежака от универа уперла две недели назад. Даже одежда та же самая!

– Именно! – перевернул я все снимки, горя возмущением. – Она с другим прямо у него за спиной!

– С чужим манекеном? Ты шибанутый? – строго посмотрел на меня друг.

– Артем, это не шуточный вопрос!

– Ты убил девушку, потому что она изменяла твоему манекену с другим манекеном? – поднял он раздраженный голос, приподнимаясь с табурета.

– Что значит «убил»… ты с ума сошел? – сбился я. – У меня и в мыслях не было ее убивать.

– То есть несчастный случай? Из-за манекена? – Он встал во весь рост и глядел вовсе не добро, с прямым осуждением.

– Хватит нести бред, – хлопнул я ладонью по столу. – Какой несчастный случай? Почему я вообще должен убивать Нику?

– А свидетель тебе зачем?

– Так на свадьбу, – посмотрел я на него недоуменно. – Понимаешь, когда я увидел эти снимки, то понял, что не могу позволить, чтобы все вот это, что на фото, произошло взаправду! Не могу допустить, чтобы она оказалась в чужих объятиях, – сбивчиво и искренне стал я излагать. – Чтобы когда-нибудь она фотографировалась с ним, а я шел где-то на фоне!

– А-а… – задумчиво протянул Артем, вновь усаживаясь на табурет. – Ну я же говорил: либо поубиваете друг друга, либо поженитесь.

Но голос его был ныне добродушным и удовлетворенным.

– А еще мне нужен способ как-то влиять на нее, – откашлялся я и постарался быть прежним – логичным и целеустремленным. – Не слушается, не принимает мою помощь, трубку не берет. Возмутительно!

– Так… а свадьба чем поможет?

– Это единственный способ управлять ею, не сильно нарушая закон, – уверенно доложил я ему. – Невеста ведь в род мужа уходит, под полную власть супруга. А там и пытки, и высокая башня, и отварная морская капуста, если будет упорствовать.

Артем поморщился, явно припомнив неприятные вкусовые ощущения.

– Ее мнение насчет свадьбы, так понимаю, еще не спрашивал?

– Это детали. Свидетель важнее, – отмахнулся я.

– С чего бы это еще? – поднялся Артем, чтобы включить свет.

Так, пожалуй, действительно стало гораздо лучше – ведь на улице окончательно стемнело.

– Ну это ведь тот самый человек, который подтверждает, что невеста – в здравом уме, добровольно и не под химией?.. – неуверенно предположил я.

– Нет. Просто друг жениха. Говорит ему следующим утром, что тот все делал по своей воле, и повторяет это следующие сорок лет, – оскалился улыбкой Артем.

– Какая нефункциональная должность. А свидетельница?

– Не дает невесте сбежать и пить для храбрости.

– То есть никакой юридической подоплеки, – задумался я. – Значит, если просто позаимствовать паспорт и проставить штампы, то это будет уже не похищение, а медовый месяц…

– Отца невесты забыл.

– А что с ним? – чуть напрягся я, предполагая недоброе.

– Без согласия отца невесты никакой свадьбы быть не может, – смотрел Артем с непонятным удовлетворением во взгляде. – Даже в храм не пустят.

– Какой замшелый атавизм!

– Девушка переходит из рода отца в род мужа, – пожал друг плечами. – Эта сделка может быть только по согласию сторон. А папа, я так понимаю, тебя не сильно любит?

– Судя по некоторой информации, ненавидит, – помрачнел я.

История с изоляцией семейства Еремеевых непонятным мне образом вывела мою персону в главные злодеи перед Никой и ее отцом. С учетом моей непричастности к их тяготам и посильного участия в их судьбе, это более чем несправедливо, но их благодарность мне не нужна.

– Ну, переживать не стоит, – с довольным видом сложил он ладони на животе. – В любой сделке есть вопрос цены. Главное, взять такой ценник выкупа, чтобы папа точно не отказал.

– Там не ценник, там дисконт должен быть, – буркнул я возмущенно. – Неликвид сумасшедший!

– Максим, – стал сосредоточенным друг, – я же не шучу. И ты, пожалуйста, отнесись со всей ответственностью. Какой у тебя на нее бюджет?

– Любой, – сухо выдал я.

– Давай чуть серьезнее, – отразил он легкое раздражение. – Любой – это я сейчас завалюсь в Кремль, закину ноги на праздничную скатерть и буду сватать тебе принцессу. Папаша ее точно сдаст за пару-тройку линкоров.

– Во дворце Ники нет.

– Да я не про это! Мне же еще в дом этого Еремеева входить, – с досадой произнес Артем. – Он, знаешь ли, вообще может на порог не пустить. Уж больно ты ему досадил, а тут сватаешься к старшей дочке. Откажет – ладно, вернуться можно. А если пустит и в цене не сойдемся? Вернее, я скажу – добро, а денег нет. Я ведь тоже не сразу крупную сумму смогу одолжить. Выйдет позор на всю Москву!

– Княжича не пустит? – изобразил я удивление, проигнорировав все остальное.

– Слово «гордость» тебе знакомо?

– А то ж, я ее главный акционер. То есть лучше тебя одного не пускать, – кивнул я своим мыслям. – Игоря если попросить с тобой пойти, плюс еще знакомых, должников…

– Максим, какой бюджет? – теряя терпение, повторил Артем.

– Я же сказал – любой.

– У тебя спросят потом, но давай сейчас порепетируем, – тяжело вздохнул товарищ. – Ты в здравом уме и твердой памяти? Вот увидел фотографии, зажегся, меня вытянул, и – любые деньги, лишь бы она была с твоим манекеном?

– Я абсолютно уверен и полностью здоров, – определив, что отшутиться не выйдет, сухо произнес я. – Фотографии тоже важны. Ты ведь знаешь, что Ника два раза спасла мне жизнь? Потому что была рядом, а не рядом с кем-то еще.

– Вертолет, который украли бандиты, принадлежал ее семье, – произнес Шуйский нейтрально, не разделяя восторга. – Если бы они охраняли его тщательнее, ничего бы не было.

– Да и артефакт, который позволил бы победить тогда в самолете без падения, она тоже потеряла, – эхом произнес я, упершись взглядом в столешницу. – Один бардак вокруг нее, ни один план не исполняется…

– Максим, Целитель, пусть даже ранга «учитель», не стоит любых денег. Посоветовать ученицу «мастера»? Будет рядом почти круглосуточно. Если, конечно, речь именно о здоровье… – в голосе проявились осторожные нотки любопытства.

Словно мудрый преподаватель, подцепивший на легкой неискренности.

– Во влюбленность ты не веришь? – поднял я на него ироничный взгляд.

– Твоя проблема – в излишней честности, – поднялся Артем, взял стакан и сполоснул под краном, налив себе на четверть воды. – Сказал бы: десять миллионов, и я бы ничего не заметил. Сотня – пусть так. На турнире каждому из нас досталось в несколько раз больше. Ты же все еще можешь себе это позволить?

– Так какая проблема в «любых» деньгах? – проявил я любопытство, уже осознавая, что придется сказать больше первых двух причин. – Для многих это гораздо меньше десяти миллионов.

– Но не для тебя, – отсалютовал он стаканом, пригубив. – Любые, значит, любые. Итак, что же стоит любых денег?

– Ника.

– Максим, – раздраженно поморщился товарищ, не принимая ответ, и присел снова за стол.

Я же взял стакан из его рук, отпил и, отставив емкость в сторону, со всей серьезностью посмотрел ему в глаза, исключая любой намек на легкомыслие.

Потому что если промолчать – он просто встанет и уйдет.

– У меня в жизни все было распланировано так, что меня даже убить невозможно следующие семь лет. Чтобы убить, – проигнорировал я жест и желание вставить слово, – врагу нужно готовиться сейчас, и на восьмой год, может, что-то и получится. Может, выйдут сроки договоренностей о защите и взаимных интересах, а я не смогу их продлить. Но появилась Ника, и я умирал на седьмой день после этого.

– Случайности случаются.

– Это не случайность, – покачал я головой, – это талант разрушения планов.

– Стандартная особенность любой девушки, – недоуменно пожал Артем плечом. – Вон вчера Вера мою парадную рубашку постирала, а я уже ее цвет успел передать связному лицу в Москве.

А то бы он Артема, с его габаритами, иначе не узнал…

– Другое, – отрицательно повел я подбородком. – Мы не смогли просто дойти до главного корпуса и сдать документы. Ты не смог снять квартиру. Я не мог нормально сдавать экзамены, и даже мерам, которые против этого предпринимались – им словно ломало хребет. Это врожденный талант Силы.

– Такого не бывает.

– Не бывает медведя в сокровищнице князя Туровского.

– Не бывает, – закаменело его лицо. – И быть никогда не могло.

– Разумеется, – примирительно повел я ладонью, – не умеют медведи проходить сквозь стены… Я думаю, врожденного таланта «разрушитель планов», что передается по женской линии раз в шесть поколений, тоже не бывает. Сойдемся на этом и забудем.

– Договорились, – нахмурился Артем, но все-таки не выдержал. – Это что же, «антипророк»?

– Это хуже… – задумчиво протянул я, посмотрев в темноту улицы за окном. – И это стоит любых денег. Представляешь – когда ничего не получается, хоть плачь, хоть смейся…

И отдать такое кому-то еще – никогда!

– Думаешь, сможешь поставить талант себе на службу?

– Я даже не знаю, можно ли его вообще контролировать, – перевел я вновь взгляд на Артема. – Там, где я прочитал, про это ничего нет. Может, это пассивная способность. Может, ее придется обуздать и развивать.

И никогда бы не узнал об этом, если бы не увидел Силу Крови Ники вживую. Слабому и молодому роду Еремеевых такое даже близко не полагалось! А вот кое-кому, кто некогда проживал гораздо южнее и был с гарантией признан мертвым, отчего все его секреты стали просто занятным архивным фактом…

Во всяком случае, если мои планы – десяток раз перепроверенные и продублированные – перестанут разламываться и трещать по швам, это уже будет бесценно.

– Нике все это может не понравиться, – скептически покачал головой Шуйский.

– Попрошу по-родственному… – вздохнул я.

– Ты ей не отец. Пошлет подальше.

– О-о, скоро у меня будет власть, которая и не снилась ее отцу. И ты мне в этом поможешь. Пожалуйста.

– Максим, ты ее хоть любишь? – замялся Артем.

– Сам-то как думаешь? – посмотрел я на него со спокойной усталостью.

– Понятно, – неловко поднялся друг из-за стола, скрывая взгляд. – Вот, пока не забыл – перстни свои из дома закажи. Семейные, родовые, охранные – которые с гербами. Пусть видят, что не абы кому дочку отдают, а уважаемому человеку, а? – хохотнул он неискренне. – А то твоя вечная белая рубашка и брюки… Стиля бы тебе немного, – цокнул он, собираясь на выход. – Ну, я пошел.

– Что не так с моим стилем? – нахмурился я. – Между прочим, последняя коллекция, – покосился я на сорочку.

– Угу. Практичная и ноская, хоть сейчас контракт подписывай.

– Так это ведь хорошо?

– Контракты должны подписывать твои подчиненные! – наставительно покачал Артем пальцем.

– Это тебе Вера сказала, – четко определил я.

– Ну… да, – замялся он. – В общем, со стилем тоже надо что-то делать.

С чем и юркнул за входную дверь.

«Две недели тут, и уже все лучше меня знает», – проворчал я про себя.

Поднялся вслед за ним, вышел в прихожую. Подумав, свернул к балконной двери и, облокотившись на перила, посмотрел в темноту улицы, подсвеченную желтым светом фонарей.

Внизу неспешно прошагал за угол соседнего дома Артем, и там почти сразу заработали три басовитых мотора. Мгновение – и кавалькада белого кортежа мелькнула в видимом уголке соседнего двора.

Памятуя о повестке дня, все же дозвонился до грузовой компании, сообщив правду про оставленные фотографии. Те обескуражили ответом – мебель они выгружали на каком-то пустыре, после чего перегрузили на другие «газели» без номеров, и куда те уехали – они без понятия. Ника-то – учится, однако…

Люблю ли я такую девушку? Какая глупость – искать ответ, после которого станешь завидовать ответившему.

В этом весь Артем – задавать вопросы, после которых ему становится грустно. То «насколько умен твой кот», «насколько сильна твоя собака» и «весело ли жить в большой семье». То вот это.

Но верхний этаж моей высотки, конечно, надо все равно переделать в темницу. Хватит Нике шастать по съемным квартирам.

Глава 4

Снилось темное и тревожное – бесконечные переходы технических этажей, нити кабелей на бетонном потолке и паутины проводов по углам, в тени которых, казалось, пряталось что-то хищное и разумное. Редкие участки рассветного неба над головой – блеклого и почти бесцветного, которые тут же скрывались за очередным участком темноты. В этом сне были ощущения падений и подъемов и

отчего-то – холода и жара.

Опытный астролог наверняка растолковал бы эту напасть, а если собрать их несколько, то через некоторое время они врали бы хором что-то одно: про забытое прошлое, тревожное настоящее и будущее, которое точно станет счастливым, если им заплатить.

Но каждому сну суждено завершиться. На этот раз – под звуки проснувшегося города, шум автомашин и лай собаки где-то вдали. Наверное, не закрыл окно. В пользу этого говорил и холод, сквозняками касающийся лица, и плотно подвернутое под тело одеяло, особенно тщательно обнимающее ноги. Подушка, правда, куда-то подевалась за ночь, да и постель чувствовалась откровенно жестковатой и давящей на затылок и плечи.

Это я у Ники, что ли, вчера заночевал? И действительно, путь от ее дома до моего отсутствовал в памяти, хотя решение остаться в незнакомом месте да еще спать на полу – мне уж точно несвойственно. Наверное, была причина, и главное, ее вспомнить, но мысли неохотно приходили после сна, а веки никак не хотели подниматься. Частично я все же справился – хотя бы глаза открыл.

Передо мной во весь размах потолка какой-то невообразимо огромной комнаты стояло перевернутое изображение столицы. Словно в отражении воды, виднелась довольно странная для запечатления подборка современной архитектуры: многоэтажные панельные дома с надстроенными мансардами, Сергиевский храм чуть в стороне справа, здание Лефортовского суда там же и вдали левее – силуэт Кремля с его башнями. В общем, так себе композиция, пусть и очень реалистичная. Вон на улице Сергия Радонежского даже машины замерли на светофоре, как настоящие.

А потом сигнал светофора сменился на зеленый, машины поехали, и стало как-то очень нехорошо.

Я дернулся, обнаружив руки плотно прижатыми к бокам. Резко повел шеей в стороны, констатировав, что под спиной вовсе не бетонный пол, а вполне себе вертикальная плита фасада жилого здания – та, которая под самой крышей, и вовсе не сквозняк все это время дул в лицо, а ветер, которому и полагается быть на высоте сорока метров. А я, получается, на этом самом здании подвешен над улицей вниз головой.

– Ну, теперь ты мне веришь? – вкрадчиво произнес подозрительно знакомый женский голос.

Верилось решительно во все. И в Бога – особенно сильно.

Продышавшись и успокоившись, посмотрел в сторону ног, зафиксировал в памяти серый холщовый мешок по шею, в который я был плотно упакован, и канат, которым были тщательно завязаны мои ноги поверх мешка. Канат шел выше, уходя за край крыши. На бортике рядом с ним обнаружилась Ника, живописно расположившаяся там, как та Аленушка с картины Васнецова – даже наряд с длинным платьем цветочного мотива и светлой кофтой поверх был чем-то схож, как и распущенные рыжие волосы. Разве что вместо грустного выражения лица – азартное довольство.

– Доброе утро, – перебрав все шедшие в тот миг на ум слова, я озвучил самые приличные из них. – Хорошо выглядишь.

– Спасибо, – потупилась она смущенно.

– А во что я должен верить? – набрался я терпения.

Потому что ругаться, материться и воевать, находясь в таком положении, – не лучшая затея. Помощи ждать все равно неоткуда: в этом городе никто не смотрит вверх, а единичные романтики, любители такого, давно перепа?дали в открытые тротуарные люки.

– В то, что я действительно уронила тебя со второго этажа, – наставительным тоном произнесла Ника, качнув подбородком.

– А нельзя было это мне просто сказать поубедительнее? Я в целом человек доверчивый… – раздраженно дернул я запястьями, обнаружив, что те отдельно привязаны к телу.

Ноги, впрочем, тоже были замотаны веревкой по всей их длине – не пошевелить.

– Ты бы не поверил. Зато теперь ты понимаешь, что тебе нужен врач? – строго спросила девушка.

– А если я не согласен, ты вытянешь меня наверх?

– Нет.

– Тогда согласен. Только с условием, что я найму еще одного психиатра. Ну, чтобы за тобой тоже присматривал. В смысле как старший наставник.

– Думаю, не нужно, – посмотрела Ника с подозрением.

– Нет так нет, – легко отказался я. – А теперь можно меня поднять?

– Мы еще не договорились об оплате моих услуг!

Ага-ага. Я покосился вниз – ну точно, самое время провести успешные деловые переговоры.

– У меня страховой полис, – отозвался я категорично.

– Это частная практика!

– А у тебя лицензии для нее нет.

– А все почему? Потому что я недоучилась из-за тебя, – прибавилось опасной бархатистости в голосе Ники, а рука ее направилась в сторону каната.

– Я к тому, что лицензию ведь можно и достать! – тут же отрапортовал я: как мне видится, излишне бодро.

Но Нику проняло. Во всяком случае, рука ее вернулась обратно на колени.

– Как? – колыхнулось море недоверчивости в ее голосе.

– Например, восстановить тебя в университете, – охотно дополнил я предложение. – Завершишь – вот тебе и лицензия.

– Невозможно, – грустно ответила Ника, – приказ уже подписан.

И даже налетевший ветер завыл особенно тоскливо.

– Ну и что? – подпустил я легкомыслия в голос. – Я тут на два факультета поступил одновременно. И мое место на «Мировой политике» хотят перекупить очень влиятельные люди… Ника, может, я все же поднимусь?

– Нет-нет, ты продолжай, – отмахнулась она.

– Так вот, – вновь набрался я терпения. – Если уступлю, могу просить место на другом факультете для тебя. А там после первой же сессии переведешься к себе обратно.

– Почему сразу не на медицинский?

– Потому что тебя оттуда только что отчислили, и так не получится, – вздохнул я. – И подними меня уже, наконец!

– Ладно, – неохотно согласилась Ника. – Только развязывать пока не стану.

В итоге вытянула она меня на тот самый бортик крыши, оказавшийся довольно широким, и расположила на самом краю. Даже петлю на ногах ослабила и помогла сесть.

Я проследил путь каната по крыше и на некоторое время завис в прострации, обнаружив его конец завязанным бантиком на хиленькой телевизионной антенне.

– В общем, на робототехнику тебя устрою. К себе, – рублеными фразами произнес ей.

– А почему туда? – ворохнулась беспокойством Ника, предусмотрительно отсевшая так, чтобы я мог ее видеть. Ну и сбежать от меня, если что.

– Да там несложно все. Фаза находится максимум с двух попыток.

Потому что током будем лечить эту сумасшедшую.

– Ну, если только на семестр… – задумалась она. – Тем более пациент рядом…

Это еще мы посмотрим, кто из нас пациент.

– Как я вообще сюда попал? – повел я шеей, разминая.

Вместе с некоторой тенью стабильности явились неприятные ощущения по всему телу, удостоверяющие, что это все не продолжение сна.

– Так ведь стакан в раковине, – с довольством и радостью качнула Ника головой.

– Я ж его мыл, – хмуро глянул в ее сторону.

– Вот именно! На стенки стакана нанесено особое вещество в виде прозрачной пленки, а там и реакция гидратации в присутствии катализатора с выделением газа. Я знала, что ты не удержишься и помоешь стакан! Окна закрыты, вентиляцию я заглушила. Осталось только подождать, – похлопала она ресницами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/vladimir-ilin/napryazhenie-shoditsya

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить